

Виктория Соколова

Под крестом и за
пиками

Виктория Андреевна Соколова

Под крестом и за пиками

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69005470

SelfPub; 2024

Аннотация

В 1910-х годах Российская империя находится на грани крушения. Лишь некоторые понимают, что положение критическое. Среди них самые близкие к императору люди: сестра императрицы Елизавета Федоровна и семейство Юсуповых, богатые и эксцентричные аристократы, но страстные патриоты. Их объединяет не только давняя дружба двух княгинь, Елизаветы и Зинаиды Юсуповой, но и ненависть к старцу Григорию Распутину, который выстроил между царской четой и всем остальным миром непроницаемую стену. Чтобы достучаться до царя, надо эту стену разрушить. А вместе с ней и того, кто ее воздвиг.

Содержание

1 глава. Аппетиты	4
2 глава. Сватовство	12
3 глава. Богатые тоже плачут	25
4 глава. Царская милость	34
5 глава. Погром в Первопрестольной	42
6 глава. Виноватые без вины	50
7 глава. Помещица и царица	58
8 глава. Заговор	65
9 глава. Две сестры	76
10 глава. Накануне	82
11 глава. Декабрьское дело	85
12 глава. Затворники	95
13 глава. Расставание	103

Виктория Соколова

Под крестом и за пиками

1 глава. Аппетиты

1913 год. Российская империя, подмосковная усадьба Архангельское.

В малой гостиной Большого Дворца, сидя на диване, разговаривали две женщины. Одна была хозяйка имения, Зинаида Юсупова, а другая – ее близкая подруга, великая княгиня Елизавета Федоровна.

По бокам от дивана расположились два книжных шкафа с сотней антикварных изданий. В углу стоял мраморный камин, который в июньский зной за ненадобностью прикрыли расписной перегородкой. Мебель была из красного дерева, и в нее можно было смотреться, как в зеркало.

Прямо над головами женщин висела огромная картина в гротескной резной раме, изображающая прапрабабку хозяйки, Татьяну Энгельгардт-Юсупову, в парадном платье. Рядом столпились придворные портреты времен Екатерины, изображавшие придворных дам и государственных деятелей. Редкая галерея могла похвастаться таким собранием, какое Юсуповы имели в одном зале единственного из дворцов.

Княгини сдружились почти тридцать лет назад, будучи соседками по загородным имениям. За время знакомства Зинаида превратилась из озорной круглолицей хохотушки и молодой матери в царственную даму, к чьему мнению прислушивались в знатных кругах, хотя и не так часто, как ей хотелось бы. Род Юсуповых был баснословно богат, даже состояние императорского дома бледнело по сравнению с капиталами этой семьи. Их лояльность династии была непрекаемой на протяжении почти трёх сотен лет с тех пор, как правнук ногайского хана Юсуфа перешёл на службу к русскому царю.

По мужской линии род Юсуповых прервался на отце Зинаиды, и она унаследовала все. Выбрав себе мужа по вкусу, она родила от него двух сыновей. Старший погиб на дуэли. Младшему, Феликсу, шел двадцать шестой год.

Елизавета Федоровна, немка по происхождению, приехала в Россию тридцать лет назад в качестве жены великого князя Сергея Александровича. В то время ее муж имел на своего племянника, будущего императора Николая II, огромное влияние. Чтобы не лишиться этого влияния и в дальнейшем, Сергея и Елизавета сделали все возможное, чтобы свести Николая с младшей сестрой Елизаветы, будущей императрицей Александрой Федоровной. Через нее они надеялись получить ещё один канал воздействия на императора.

Их расчет оказался неверен.

Впоследствии Сергей Александрович был назначен генерал—губернатором Москвы. Красавица Елизавета быстро стала любимицей города, так как в занятиях благотворительностью не знала усталости. После гибели мужа от рук террориста Елизавета покинула свет. Будучи очень верующим человеком и желая принести как можно больше пользы обществу, она основала обитель милосердия и стала ее настоятельницей.

Она и теперь была в одеянии монахини. Белый апостольник скрывал ее пышные светлые волосы, оставляя узкий овал лица с грустными строгими глаз. Деревянный крест висел на ее груди, а белоснежный атласный подрясник сходил до полу ровными складками.

Зинаида оттеняла ее, выбрав темное летнее платье. Ее черные, как смола, волосы были собраны в высокую причёску. На ногах, закинутых одна на другую, – невысокие каблучки, на шее – жемчужные бусы. Она была сказочно хороша собой, как и Елизавета.

Разговор прервался, когда двое молодых людей, обнимая друг друга за плечи и смеясь, вошли в залу.

– Матушка, – поприветствовал один из них и поцеловал руку сначала Зинаиде, а потом Елизавете.

– Феликс, – произнесла Зинаида с материнской гордостью. Видно было, что ее распирало начать говорить о том, что было решено у них с Эллой, и что она была очень довольна.

Только из Оксфорда прибыл этот русский Дориан Грей, ангельский лик которого подчеркивало хрупкое телосложение, прилизанные черные волосы и слегка мутные глаза. У Феликса Юсупова всегда на лице была готова полуулыбка или гримаса оскорбленного достоинства.

– Тетя, – вторил другой, помоложе, приближаясь к настоятельнице и почтительно целуя ее руку.

– Здравствуй, Дмитрий, – улыбнулась она.

Великий князь Дмитрий Павлович, кузен императора, воспитывался три года в доме Елизаветы и ее мужа, кому приходился племянником. Он вырос в молодого офицера, красавца, атлета и пылкого патриота.

Молодые люди уселись за столик перед диваном, друг против друга, и Зинаида тут же начала:

– Я получила абсолютно прелестное письмо от нашего дорогого Александра Михайловича! Он все никак не может забыть произведенный нами фурор на том балу в русском стиле, – добавила Зинаида, обращаясь к Елизавете. – Сколько уж лет прошло? Восемь?

– Уже десять, – ответила великая княгиня. – А он все вспоминает, хм!

– Так после у нас балов—то и не было, – фыркнула Зинаида. – Твоя сестра, императрица, подобного не жалуется.

– Вы были великолепны, матушка. Так станцевать русскую, как вы, никто бы не смог, – сказал Феликс с улыбкой.

В каком—то ящике стола должна была завалиться памя-

ная колода карт, где Зинаиду в боярской платье изобразили в виде пиковой дамы. Замысел заключался в том, что Юсуповы принадлежали к служилому сословию дворян, а те самым непосредственным образом были связаны с пиками и штыками. Известную еще тогда своей глубокой религиозностью Елизавету удостоили крестовой мастью, потому что крест – символ христианства.

– Милый Сандро, – мечтательно вздохнула Зинаида и как будто между прочим: – Он прислал фотографию своей дочери. Не правда ли, удивительная красавица? Элла считает, что она даже лучше нас тогдашних.

"Эллоу" родными и близкие звали великую княгиню.

– Ирина – хорошая девушка, – сказала Элла. – Она застенчива, но мне она понравилась, когда я смогла ее разговорить. Я видела ее пару раз с великими княжнами в Зимнем.

– Как не был я избалован женской красотой, будучи Вашим сыном, матушка, и Вашим подопечным, Елизавета Федоровна, но Ирэн действительно прелестна, – сказал Феликс, разглядывая фотографию. Нежнейшая, безупречная девушка с бархатными глазами.

Ее матерью была родная сестра императора, а отцом – великий князь из далекой, но влиятельной ветви дома Романовых. Даже будь Ирина уродиной, хвост женихов за ней стоял бы без конца и края.

– А зачем это Александр Михайлович рассылает фотографии своей дочери? – завелся вдруг Дмитрий. Он сидел, вце-

пившись в подлокотники кресла до белых костяшек.

– Видимо, хотел похвастаться невестой на выданье, – не моргнув глазом, ответила на вызов Зинаида. Ее голос в миг потерял все сахарные нотки.

– Она ещё не обручена? – спросил Феликс рассеянно и передал фотографию Дмитрию. Тот положил ее на стол, взглянув лишь мельком.

Что касается Феликса Юсупова, то хотя благоразумие не было его лучшим другом, но тут он решил не напоминать ма-тушке, что о достоинствах некоей Ирины Михайловны та пи-сала ему непрестанно во время всей его двухгодичной уче-бы в Оксфорде. На данный момент Феликс был знаком с ней лично и даже дружен.

– Нет, – сказала Зинаида.

– Ты ее знаешь? – спросил Дмитрий у Феликса напряжён-ным тоном.

– Мы с ней приятели, меня в ее доме встречают как род-ного уже с месяц. А так увидимся то в Крыму, то в Париже. Не могу сказать, что она изысканно владеет словом, но ее красота поразила меня еще тогда.

– Ирэн – моя кузина! – вскочил на ноги Дмитрий. – Следи за языком, когда разговариваешь о ней.

– Ты что это, Дмитрий? – спросил Феликс, тоже вставая.

– А то что... Я сам хотел на ней жениться!

Секунду никто не отвечал.

– Да кто вообще говорил хоть слово о свадьбе! – восклик-

нула Зинаида.

– Дмитрий, не надо устраивать сцен, – спокойно сказала Элла. – Лучше все сперва обдумать, и только потом...

– Да как вы могли! – крикнул на нее Дмитрий, но тут же опомнился. – Простите.

– Ты никогда не говорил мне об этом, – сказал Феликс. – Да ты шутишь, наверное?

– Я никогда не был так серьёзен.

– Нет, ну это просто низость какая—то! – возмутилась Зинаида.

– Ну? – не выдержал Дмитрий, повернувшись к Феликсу. – Что ты предлагаешь? Ты ведь сам только что говорил, что она тебе не интересна. Что ж, мне она...

– Я передумал. Теперь я хочу на ней жениться. Точнее, получается, мы оба хотим. Предлагаю позволить девушке выбирать.

Дмитрий, заранее зная, что проиграл, согласился. Он и правда был знаком с Ирэн куда хуже, чем Феликс.

Остаток вечера прошел в неприятной атмосфере. Дмитрий дулся и отвечал невпопад, а Зинаида, несмотря на свой словоохотливый характер, злилась и большей частью думала, как бы предупредить потенциальную невестку.

На ужине говорила в основном Элла и о делах обители. Скольких девочек удалось найти в московских ночлежках, как они привыкали к монашеской жизни. Поддакивал ей Феликс Феликсович, муж Зинаиды, которые страшно уважал

Елизавету Федоровну и про себя давно звал ее святой.

Наконец, стало темнеть, и Дмитрий и Элла уехали в свое поместье Ильинское, что было по соседству. Дмитрий и Феликс умудрились ещё раз поссориться после того, что походило на попытку примирения со стороны Юсупова, а Элла и Зинаида обещали немедленно написать друг другу, как только что-то решится.

Расставшись, все невольно вздохнули свободнее.

2 глава. Сватовство

Княгиня Юсупова не могла пустить женитьбу сына на самотёк. Потом она будет вспоминать, что прямо предвидела все трудности, которые будут связаны с заключением этого брака и как много их друзей окажутся тайными врагами.

Разумеется, дело с Дмитрием закончилось ничем. Молодые люди решили отправиться в Петербург к потенциальной невесте, не откладывая. Зинаида успела только телеграфировать отцу Ирины, великому князю Александру Михайловичу, о том, что у Юсуповых намерения были самыми серьезными в отличие от некоторых других лиц, которых доселе не брали даже в расчет. Не брали и правильно делали, потому что не о чем тут говорить, одна эмоция! Если Феликс уступит, Дмитрий сам первый же разорвет помолвку, оставляя девушку ни с чем. И кого – племянницу императора! Пусть Дмитрий и сам был ему кузеном, но это просто наглость какая-то.

Сын писал ей постоянно, так что Зинаида была в курсе всех перипетий.

Дмитрий Павлович не оказал серьёзного сопротивления. Феликс первым видел Ирину и долго разговаривал с нею, точнее говорил он, а она конфузилась и дичилась. Выросшая с четырьмя братьями и игнорируемая матерью, Ирина бы-

ла неспособна на светские тонкости и жеманство. Ее странности не смущали Феликса, он, напротив, любил откровенность и терпеть не мог кокетство. Потом он поставил вопрос ребром, сказав, что они оба претендуют на ее руку, но пусть она сперва не отвечает, а выслушает его рассказ о всей жизни его, потому что меняться после свадьбы он не намерен. Ирина приняла рассказ очень ровно, и они во многом сошлись во взглядах на жизнь. В итоге она сказала, что выйдет за Феликса и только.

Дмитрий отказ принял уныло и без истерик и на том ему, конечно, спасибо, но их проблемы только начинались.

Главным в этом вопросе было мнение бабушки Ирины, вдовствующей императрицы Марии Федоровны, матери Николая II, а она, прости Господи, истрепала им все нервы, пока не дала ответ. У Зинаиды были основания думать, будто Минни (так домашние звали Марию Федоровну) не уверена в Феликсе и тянет время, надеясь на появление лучшей партии.

Чтобы не оставлять сына без поддержки, Зинаида упросила Эллу съездить в Англию, где должно было произойти знакомство Феликса с Минни. В Лондоне императрица—мать навещала свою сестру, английскую королеву.

"Мнение Эллы, — заключила Зинаида, — было в стократ весомее, потому как если воспитательница Дмитрия думает, что этот брак не принесет ему счастья да и вряд ли вообще состоится, то не о чем и говорить. К тому же Элла дружила

с вдовствующей императрицей, пользовалась ее искренней симпатией и могла переманить ее на их сторону".

Элла не заставила себя долго упрашивать. Всё-таки в Англии прошло и ее отрочество, и она, хотя и скрывала это, ужасно скучала. Элла и Аликс приходились внучками покойной королеве Виктории, которая часто принимала их у себя.

И вот как только Элла оказалась в своем драгоценном Лондоне, то сразу забыла обо всех обещаниях! От Минни она добилась только многозначительного подмигивания да двух аморфных фраз, которые ни к чему не обязывали, а сама все только гуляла, посещала музеи и общалась с родственниками. С тем и вернулась.

Как вовремя она всегда забывала, что монашку эти вещи не должны волновать!

Феликс в Англии добился куда более впечатляющих результатов. Он стремительно сблизился с Ириной и, что более важно, с ее родителями. Старый лавелас Сандро и равнодушная Ксения были сражены. Ничего удивительного, что быстрый успех заставил Феликса забыть об осторожности, и он рискнул появиться в театре вместе со всеми тремя, что было совершенно ни к чему на этом раннем хрупком этапе.

Минни в свою очередь не то что не пригласила Феликса к себе (это был бы слишком серьезный шаг), но и случайно не встретила, а уж это можно было устроить.

Когда все возвратились в Россию, Юсуповы направили свои усилия на то, чтобы выпытать благословение хотя бы из

родителей Ирины. Понятно было, что без согласия Минни и императора это ничего не значило, но для приличий получить их на свою сторону было необходимо.

Сандро и Ксения не устояли перед личным шармом Юсуповых и масштабом их состояния. И тут началось.

Зинаида не знала, что именно было сказано императрицей (о, это точно была она, Юсупова узнавала почерк!), но это смутило и мать, и отца невесты.

Чтобы окончательно сразить Сандро и Ксению, Юсуповы скрепя сердце подарили Ирине имение Коккоз в Крыму. Та так и обомлела, не говоря уж о матушке.

– Надеюсь, они понимают, что подарок действителен только в случае их брака, – буркнул Феликс Феликсович, муж Зинаиды.

– Чшш! – шикнула Зинаида, которая и сама думала о том же. – А то услышат еще.

Феликс Феликсович Сумароков—Эльстон был простой гвардейский офицер из не самого знатного и совсем не богатого рода. По духу солдат, он мог стукнуть по столу кулаком и сказать свое финальное слово. Зинаида познакомилась с Феликсом Феликсовичем, когда ее сватали к болгарскому королю, и мигом отдала предпочтение решительному красавцу-офицеру из свиты неудачливого монарха. Феликс Феликсович тянуть не стал и сразу позвал ее замуж, она – тоже без раздумий – согласилась. Был большой скандал. Бабушка грозился чем только мог, страшно лицемеря: с мате-

рю Зинаиды произошла похожая история. В итоге сменил гнев на милость, но от мысли, что его дочь могла бы стать европейской королевой, тосковал до самой смерти. Феликсу Феликсовичу впоследствии высочайшим указом позволили взять фамилию жены в интересах продолжения рода.

С сыном, названным в честь отца и деда, история набирала обороты. Удар следовал за ударом.

Иринино семейство распрощалось с Юсуповыми в лучшем виде и отправилось в Париж по делам. И вот там-то кто-то пришел к Сандро с откровенным доносом на Феликса, и теперь Сандро, а заодно с ним и Ксения, хотели чуть ли не повернуть корабль на полпути и разорвать уже совершившуюся помолвку!

Феликс, прослышав об этом, рванул в Париж, где на вокзале его встретил великий князь Дмитрий Павлович. Тот уже некоторое время находился во Франции и случайно прослышал о ситуации Феликса. Тогда он по собственному почину пошел к Сандро и два часа убеждал его в ложности всех обвинений против Феликса. Со слов Дмитрия Сандро и Ксения действительно оба были "очень расстроены", но ему удалось их поколебать.

Зинаида никак не ожидала поддержки с этой стороны, но была приятно удивлена. Сама она в первые мгновения грешила именно на него, а он, оказывается, повел себя образцово. Действовал Дмитрий, разумеется, из личных мотивов, ведь обвинения против Феликса бросали тень и на него как

на его известного приятеля, но все же поступок был очарователен.

Зинаида вынуждена была согласиться с Феликсом, который был просто в восторге от благородства своего друга.

Приободренный разговором с Дмитрием, Феликс направился в отель к родителям Ирины совершенно без спросу. Там у него состоялся с ними тяжёлый и неприятный разговор. В итоге он совершенно их покорил.

– Да если бы хотя бы четверть из того, что про меня говорили, было правдой, то я не считал бы себя в праве жениться, – страшным шепотом сказал Феликс, когда они, пряча глаза, признались, в чем была суть обвинений. Посещение непотребных мест с более чем непотребной публикой, участие в такого рода мероприятиях, что и сказать страшно, пьянства, дебоши, а хуже всего, что он не только сам участвовал в подобном, но и увлекал с собой многих молодых приятелей. В целом, обществу женщин он предпочитал общество мужчин, над которыми с юности имел огромное влияние.

– J'ai peur de l'humanité!¹ – воскликнула Ксения спустя еще час уговоров. – Говорить такое о приличных людей в приличном обществе!

Весь Петербург – свидетель, что за приличное общество завела у себя дома великая княгиня Ксения Александровна, императорская сестра. Сама она жила с неким англича-

---

¹ (фр.) Я боюсь человечества!

нином непонятного происхождения, пока ее муж кочевал от прекрасной даме к прекрасной даме – и это все на глазах у шести детей.

Феликс подозревал семью девушки, которая претендовала совсем недавно на роль его невесты и которая была жестоко разочарована, когда оказалось, что в своих мечтаньях она ушла далеко за грань фактов и затерялась в стране мечтаний.

В итоге договорились о том, что вопрос будет передан на суд Минни. Зинаида про себя думала, что эти переговоры не могли быть особенно трудными: Сандро, обворожительный и пустоголовый денди, отличался ветренностью и сам первый мечтал об этой свадьбе – он был бы счастлив передумать. А апатичную Ксению волновала только она сама.

Так или иначе, теперь Феликс ехал в Копенгаген услышать вердикт Минни. В Данию императрица-мать перебиралась каждую осень навестить родных.

С ней Зинаида состояла хоть и не в очень бурной, но в переписке. Последние письма Юсуповой к Минни выражали только безмерную преданность и обожание. И завуалированные намеки на то, что двух женщин связывала не только давняя взаимная симпатия и дружба, но и нечто куда более весомое в их беспокойные времена. Общий враг.

Некто Распутин появился при дворе, и в отличие от других "людей божих", которых царь и царицы привечали, этот никуда не собирался уходить.

О том, как все прошло, Юсупова узнала сразу. Феликс

рассказал ей все, а он унаследовал от нее дар подмечать детали.

По приезду в Копенгаген Феликса звонком пригласили в Амалиенбург, резиденцию датский королей. Там он имел честь отобедать с вдовствующей императрицей Марией Федоровной, ее дочерью Ксенией и внучкой Ириной, с которой бабушка пообщалась заранее, чтобы выяснить, насколько твердым было намерение девушки.

Во время ужина Минни исподлобья наблюдала за Феликсом. Поведение ее было как всегда приятным и располагающим к себе, а шутки – юморными. Мария Федоровна была вдовой самодержца Александра III и матерью нынешнего императора. Ее обожали в России с того самого мига, как ее ножка вступила на причал Санкт-Петербурга. Маленькая и бойкая, она всех покорила своей живостью и энергией, а ее умение управлять двором заслужили ей уважение нескольких поколений государственных мужей. Мария Федоровна молодилась до крайности и в свои шестьдесят шесть лет выглядела ровесницей невестки-императрицы. Усилия ее заходили далеко: она первая в России сделала себе пластическую операции. Для Зинаиды это казалось каким-то сумасшествием, а от подробностей ей чуть не стало дурно. Сама Юсупова даже седину не закрашивала, хотя сесть начала рано из-за нервов.

Минни зубами вцепилась в роль матриарха. В первые годы правления Николая II она на всех официальных церемониях

шла бок о бок с сыном, а молодая императрица следовала позади.

За обедом говорили о том, о сем, как вдруг Ксения придвинулась к матери и, понизив голос, сказала:

– Знаете, мамá, ведь я вспомнила еще один фактор, который надо принять во внимание. За день до отъезда меня пригласила к себе Аликс (то есть императрица Александра Федоровна). Она сказала среди прочего, что свою дочь за Юсупова не выдала бы.

Бледная копия матери, но в целом такая же узколицая брюнетка с кучерявыми волосами и выразительными глазами, Ксения была от природы апатична и со сдержанной улыбкой реагировали на любые жизненные перипетии.

– Поняла тебя, спасибо, – сказала Минни. – Предлагаю тост за здоровье молодых!

Помощь пришла откуда не ждала! Мария Федоровна терпеть не могла свою невестку. Стоило ей взглянуть на Аликс, и ее лицо искривляла гримаса неприязни. Конечно, на зло такие решения не принимаются, но всё—таки то, что Александра Федоровна была против, уже повод прислушаться к аргументам "за".

Когда закончили трапезу, Минни пригласила Феликса на личную беседу. Ирина бросила на них обеспокоенный взгляд и ушла. Мария Федоровна была само дружелюбие и благожелательность, но какие шипы прятала эта роза!

– Ваш песик прелестен! – восхитился Феликс на чихуахуа,

которого слуга подал прямо в руки вдовствующей императрицы.

– А, заметил! Это моя любимица Чифу, – ласково потрепала собачку Мария Федоровна. – Она со мной уже много лет.

– Великолепна.

– Скажите мне, Феликс, каковы Ваши намерения по отношению к моей любимой внучке?

– Самые серьезные. Стать мужем Ирины для меня величайшая радость. Я ее обожаю и восхищаюсь. Я обещаю, что сделаю все для ее счастья и буду любить ее до гроба.

– Мне приятны эти слова, но Вы должны понимать, что, женившись на Ирине, Вы станете представителем династии. Ужасно неприятно, когда новые члены семьи не могут соответствовать возложенным на них ожиданиям. – Она сжала губы – вспомнила императрицу Александру Федоровну, не иначе. – Ирина и слышать о другом женихе не желает, все топает ножкой и плачет. Но ведь у вас как никак мезальянс да и...

– Если Вы говорите о гнусных слухах, что распространяют обо мне, то это все ложь и клевета, я ни в чем не повинен, – говорил Феликс с пылом. – Да, признаюсь, во времена первой молодости я поддавался искушениям, но, распробовав их вкус, понял, что они не по мне. Теперь я готов, я жажду семейной жизни. Я намерен быть достойным того доверия, что Вы мне оказываете. Я не только намерен не очернять,

но и всеми силами защищать честь императорской семьи от тех, кто хотят навредить ей, а заодно и всему государству!

– Кто же? Хочет навредить?

Он поколебался, но в итоге решил подкупить ее откровенностью.

– Григорий Распутин.

Вдовствующая императрица засмеялась, но без веселья.

– Как же, по-вашему, мой мальчик, безграмотный сибирский мужик может повредить семье моего сына, российского императора?

– Невозможно, чтобы он мог! – вскричал Феликс патетично. – Но, видит Бог, он пытается, и в сердцах самых неверных преуспевает. Я лично всегда думал об императоре и императрице, как о людях, находящихся под гнетом истории и судьбы. Я увидел их впервые ребенком и понял, что никогда не смогу развидеть над ними ореол божественного света!

Растроганная, она сжала его руку.

– Ваша преданность меня трогает.

Впоследствии Феликс объяснял матери свою решимость тем, что: "Куй железо пока горячо".

– Распутин играет религиозными чувствами императрицы и любовью императора к ней. Он обычный шарлатан. Он вмешивается в дела церкви, и православная церковь поднялась против него и оказалась бессильна. Из Царского села он распространяет свой яд, и Дума восстала против него, и тоже nihil. В конце концов, сколько не отсылай его император, он

всегда возвращается, и каждый раз его сила все больше. Вы говорили о слухах обо мне, но... нет, я не могу повторять то, что говорят о нем. Как он позорит царскую семью уже одним своим присутствием рядом с ними. Ведь как он их обманывает – как раз таки тем, что они и поверить не могут в то, что такое можно совершать и называть себя их другом!

– Твоей матери Распутин тоже не по вкусу, – заметила Минни прохладно. – Она писала мне. И как, по-твоему, член императорской фамилии должен отреагировать на такого человека?

– Его надо убрать из Царского села любыми средствами, если потребуется силой, но любой ценой защитить императора и Россию.

Мария Федоровна улыбнулась.

– Ничего не бойся, – сказала она Феликсу. – Я с вами.

На этом и порешили.

Для Юсуповых породниться с царской семьей было невиданной честью и новой вехой в истории рода. Раньше их предел составляла племянница Потемкина, екатерининского фаворита. Зинаида была на вершине блаженства и полагала даже, что не за горами окончательное и бесповоротное примирение с императорской четой. Юсуповы настояли на том, чтобы оплатить все увеселения, и не поскупились, отдав львиную долю своего годового капитала. Для изголодавшихся по балам дворян это было настоящее пиршество, ведь в нынешнее царствование двор был по сути распущен.

К разочарованию Зинаиды Элла решила не смущать гостей видом монахини и не приняла приглашение. Феликс съездил к ней накануне свадьбы в Москву, чтобы получить напутствие.

Сам император подвел Ирину к алтарю и передал Феликсу, а потом вместе с молодыми принимал поздравления. Минни разрешили провести церемонию в своей личной церкви в строгом розоватом Аничковом дворце. Празднование завершилось в роскошном желтоватом дворце Юсуповых на Мойке, где по трем этажам рассыпались бесчисленные парадные залы и даже личная опера.

На вокзале Феликса и Ирину провожали тонны празднующих друзей и родственников. Среди них стояла на краю перрона одинокая фигура Дмитрия.

Когда молодожены возвращались из свадебного путешествия по Европе, Зинаида попросила их заехать в немецкий город Киссинген. Там она в июле 1914 года вместе с мужем проходила курс лечения.

Практически одновременно с Феликсом и Ириной прибыли и дикие невообразимые вести: Австро—Венгрия объявила войну Сербии, Россия якобы начинала мобилизацию...

Как шторм, вдруг налетевший на берег, началась война.

3 глава. Богатые тоже плачут

Если что-то одно летит в тартарары, то жди, что и все остальное отправится туда же. В этом Зинаида убедилась во время своего последнего визита в Германию.

Ирина приехала к свекрам на первом месяце беременности, и доктор ввиду ее хрупкого телосложения прописал ей строгий постельный режим. У Зинаиды после всех тревожных событий, сопряженных с женитьбой, и из—за беспокойства за невестку начались сердечные припадки. Доктора и ей прописали постельный режим. Вот так они, две кукушки, и куковали полмесяца.

Хотя бы ее двум Феликсам, мужу и сыну, скучать не приходилось. На западе Германии, в городе-курорте Киссинген, русских туристов было пруд-пруди – самый сезон, июльское парилово!

Юсуповы были скептиками до конца и твердо верили, что ничего не будет и все разрешится в кабинетах дипломатов. Со снисхождением они наблюдали, как публика всполошилась из-за убийства австрийского наследника. Удивительный ультиматум Австро-Венгрии Юсуповых несколько покорибил, но не убедил в фатальности происходящего. Заявление России, что она не будет спокойно смотреть на уничтожение Сербии, не смутил их так, как некоторых знакомых, которые,

запаниковав, решили уезжать на родину.

– Мы, слава Богу, не последние люди для двора, – фыркала Зинаида. – Наша Ирина – племянница императора. Если бы что-то серьезное действительно готовилось, неужели бы нам не дали знак? Лично я никуда не побегу, как угорелая.

– Да о чем говорить, когда мне только вчера писал великий князь, просил нанять ему здесь виллу, – соглашался Феликс Феликсович. – Вот если он не приедет, тогда да, надо будет думать.

Всё-таки одна из великих княгинь, симпатизирующая Ирине, телеграфировала ей из Петербурга и советовала возвращаться поскорее. Приятели, добравшиеся до Берлина, писали, что там дурдом, а в самом Киссингене начинали сходиться демонстранты.

Наконец, начальник железнодорожной станции, симпатичный баварец, который оценил щедрость Юсуповской семьи, подошел к Феликсу Феликсовичу и предупредил, что через день не уедет вообще никто, потому что вагона не будет. Посоветовавшись, Юсуповы назначили на следующий отправление на Берлин. Курс лечения пришлось прервать. Слуги впопыхах собирали вещи целую ночь, мешая Зинаиде спать. На следующее утро она проснулась ещё более больная, чем до приезда.

Чтобы перевести хозяек, Феликс Феликсович заказал кареты скорой помощи и матрасы.

Чуть свет к Юсуповым на задний двор завалилась сотня

российских подданных. Поздно спохватившиеся люди как-то прознали о готовящемся отъезде и умоляли взять их с собой. Феликс Феликсович, не чуждый чувству национальной общности, велел своему секретарю сделать все для них возможное. Человек тридцать кое—как втиснули, но провозились весь день. Наконец, Зинаиду с невесткой перенесли на носилках в вагон, и поезд двинулся.

Вместо того, чтобы добраться до Берлина в полночь, они прибыли в семь утра. Всю ночь поезд беспрестанно и надолго тормозил. Пассажирам ничего не объясняли, было душно. На вокзале их встретил полнейший хаос: людей было в три раза больше обычного, одна часть протискивались к выходу, а обратный поток толкал их обратно на перрон. Носильщиков не было, а если и были, попробуй их найти. Феликс Феликсович велел слугам сторожить чемоданы, а сам на пару с врачом перенес на носилках сначала капризничавшую Ирину, потом молча негодующую Зинаиду. На улице им пришлось ловить машину как непонятно кому! Немыслимо.

Таксист, который отвез их в гостиницу Континенталь, мог рассчитывать на поистине царское вознаграждение. Вместе с товарищами ушлый француз в несколько заходов перевез слуг и вещи Юсуповых с вокзала в новые апартаменты.

К восьми утра семейство смогло хоть присесть, и тут же в дверь затрещонили. Явилась полиция и арестовала Феликса, врача, секретаря и всю прислугу мужского пола. С Зинаидой случилась истерика – увы, далеко не последняя за этот день!

Феликс Феликсович, которого чудом не тронули, отвёл жену на второй этаж в ее покои, где она, обессиленная, прилегла, а его послала вести переговоры с полицией, а лучше вообще их гнать взащей.

Доктор, которого допустили к Зинаиде по просьбе мужа, был весь пунцовый и мокрый от пота. Он отрещивался, но она сразу поняла, в чем дело, и выпытала из него подробности. Несчастных заперли на первом этаже, в номере, который был рассчитан максимум человек на пятнадцать, а их стояло там полсотни! В июльскую жару!

Потом арестованных ещё и увезли, не сказав, когда вернут, ничего не сказав!

Феликс Феликсович хотел ехать в русское посольство, но Зинаида не пускала. Потеряв сына, она вцепилась в мужа с удвоенной силой.

Они уже звонили в это посольство и что оно им ответило? Что "занято"?! Что может это посольство!

Ирина припомнила, что ей кузиной приходилась крон-принцесса Германии. Позвонили. Цецилия, по матери русская, обещала через два часа дать ответ императора.

Они просидели полтора часа, как на иголках, а потом вернулся Феликс и все их несчастные арестованные. Зинаида чуть с ума не сошла от счастья. Она уже не чаяла увидеть свое чадо и думала Бог знает что.

На радостях они едва не пропустили звонок. Но лучше пропустить, чем получить такой ответ. Их объявляли воен-

нопленными.

С Зинаидой случилось что-то страшное. Она орала благим матом.

– Я сама пойду к императору! Или пусть меня внесут к нему: пусть этот варвар видит, как в его стране обращаются с больной женщиной! Да они вообще знают, сколько денег мы здесь оставили! Ноги моей здесь больше не будет!

Муж насилу утихомирил ее и оставил на попечении взволнованного и бледного сына. Феликс Феликсович же всё—таки отправился в российское посольство и вернулся, заручившись поддержкой испанского.

– У наших все вверх дном, – объяснял он. – Ни зайти, ни выйти. Все комнаты забиты, снаружи очередь, и всем говорят, что ничем помочь не могут. Я припугнул посла, и он посоветовал идти к испанцам, они сохраняют нейтралитет, должны помочь. Испанский посол сказал, что придет, как сможет.

– Я так и знала все про это посольство! – Зинаида едва дождалась, пока муж закончит говорить. – Так и знала, как они справляются со своей работой! Все по их тону было понятно еще по телефону!

– В участке мне сказали, чтоб к шести утра нас здесь не было... – вслух размышлял Феликс. – А как они хотят, чтобы мы уехали? Черте что! На чем? Поезда не ходят да и на границе нас останавливают...

– Одни говорят: “Уезжайте!”, другой: “Не уезжайте!”, дур-

дом! – воскликнула Зинаида.

– Да они сами пока не решили, что с нами делать, – предположил Феликс Феликсович. – Заняты. Война как – никак...

Помолчали.

Но Юсуповых не забыли.

В ночи к ним пришел неизвестный, который представился посланником немецкого императора, и подал Феликсу Феликсовичу бумагу на роспись. В ней было сказано, что все семейство Юсуповых обещает не вмешиваться ни в финансовые, ни в политические дела и остаться в Германии навечно.

– Навечно?! – крикнул Феликс не своим голосом.

У Феликса Феликсовича глаза на лоб полезли. Он поднялся к жене и показал ей письмо. Зинаида прочитала. То, чем для других было буйство чувств, для нее было хладнокровие. Оно на нее находило только в самые сложные жизненные моменты.

– Этого я не подпишу никогда, – отрезала Зинаида и вернула бумагу. Муж, приободренный ее решимостью, передал посланнику, что такой документ они подписать не могут.

Сразу после немца пришел испанец и окончательно обнадежил их, сказав, что послание – чушь и тут вероятно ошибка: конечно, не навсегда, а до конца войны и вообще... В любом случае он обещал ходатайствовать, и на следующий день вместе с Феликсом Феликсовичем пошел договариваться.

К Зинаиде, пока мужа не было, заглянул русский посол Скабеев и сообщил, что через Берлин проезжал поезд вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны и ее дочери Ксении. Сначала Юсуповы возликовали, решив, что они спасены, но посол тут же их огорчил, добавив, что их величеств остановили, да, но спустя два часа пропустили – правда, на север, в Данию, а не на восток.

– И Вы сказали им, что мы здесь? – уточнила Зинаида.

– Конечно, мадам!

– Любит же тебя твоя мать, – процедила Зинаида Ирине, когда посол ушел. Та пошла красными пятнами и убежала из комнаты. – Иди, иди, утешай ее, – сказала Зинаида сыну.

– Милая, не слушай мамá, она это от нервов и из любви, – увещевал Феликс плачущую Ирину в ее комнате. Она лежала на кровати, уткнувшись в подушку, а он поглаживал ее по спине. – Обиделась за тебя. А твою маму и бабушку наверняка спугнул этот Скабеев. И я их прекрасно понимаю! Ты глянь на него: бегаёт с безумными глазами, мне чуть руку не оторвал, а на мамá почти визжал.

Игрунья от природы, Ирина захихикала, и молодая пара еще долго передразнивала выражения лица Скабеева.

Испанский посол добился таки, чтобы арестованных Юсуповых внесли в список российских граждан, которым позволено было покинуть Германию вместе с русским посольством.

Ехать задумали обходным путем по стопам Минни через

Данию. По дороге к вокзалу их процессию освистали.

Границу пересекали под причитания посла, который боялся, что поезд остановят и всех мужчин задержат (такое уже случилось на восточных рубежах). Но обошлось.

В Копенгагене они прибились к Минни, которую в отличие от них, убитых усталостью, взял какой-то азарт.

– А ну вот наконец-то и Вы здесь, слава Богу! – воскликнула она, навестив их в гостинице, как ни в чем не бывало. – Эти ужасные немцы! Ну ничего, наши их научат уму разуму. Ирина, милая моя, да ты беременна!

Феликс Феликсович, который ощущал уже некоторую свою ответственность за тех русских, что приехали с ними, поднял вопрос о том, что надо бы дать им поезд. Минни это очень умилило, и она живо поддержала благородный порыв. У своего племянника, датского короля, она пошла просить поезд. По случае того, что беженцы пострадали от немцев, датчане дали даже два поезда. Не забыли территориальные приобретения Германии за счёт Дании.

Минни в свою очередь поняла наконец Зинаиду Юсупову, которая променяла возможность жениться на каком-нибудь европейском монархе (пусть и низшего звена) и пошла за простого офицера. Хорош!

На следующий день на пароме поплыли в нейтральную Швецию, а оттуда поездом до границы Российской империи и через Финляндию в Петербург. Зинаиде было очень плохо, она всю дорогу лежала пластом и ничего не ела.

Петербург в первые дни вспыхнул чувством всеобщего единения, монархическими и патриотическими демонстрациями, Дума объявила о полной солидарности с правительством на время войны, но все быстро сошло на нет и продолжило двигаться своим чередом. Петербург хоть и переименовали в Петроград из желания оградиться от всего немецкого, но суть не изменилась. Да и называли его в большинстве своем по-прежнему. Как будто ничего и не произошло.

4 глава. Царская милость

Отношение Юсуповых с императорским домом складывались как нельзя лучше в первый год войны.

Остаток лета все четверо провели в Петергофе по приглашению Минни, которая ни за что не хотела так скоро расставаться с двумя очаровательными Феликсами. Простодушие отца и галантность сына радовали старушку неимоверно, и те не упускали случая развлечь ее да делали это так ловко, что и осень Юсуповы встретили не где-нибудь, а в Елагинском дворце, еще одной императорской резиденции в устье Невы.

Их отношения сильно скрепила болезнь беременной Ирины, заботы о ней и общее ликование, когда она выздоровела.

Минни прикипела к новым родственникам всей душой и уже без стеснения, как с членами семьи, обсуждала с ними нелюбимую невестку, императрицу Александру Федоровну.

– Я вообще не понимаю, как можно так настроить людей против себя! – негодовала маленькая Минни. – Она будто нарочно это делает. Немыслимо. Я приехала счастливая, веселая, и все общество на меня нарадоваться не могло. От мало до велика! А она везде появляется, будто ее насильно тащат, – ну вот и результат.

– Не всем это дано, – вздохнул Феликс.

– Я всегда знала, что у нее нет характера, чтобы быть

императрицей российской, – продолжала Минни безжалостно. – С первого взгляда. И муж мой, упокой Господи его душу, был со мной согласен.

Зинаида охотно ее в этом поддерживала. Некогда она была фрейлиной обеим императрицам и могла сравнивать, кто из них лучше справлялся со двором. Но, разумеется, за исключением семейных обедов, Юсуповы держали свои чувства на замке и всю сближались с царской семьей, пока те были к этому расположены. Взяв пример с думских партий, они объявили внутреннее перемирие на время войны.

Зимой Феликс Феликсович по личной просьбе императора был послан с дипломатической миссией в Румынию, Грецию, Италию, Францию, Англию и Бельгию.

Зинаиду эта новость и обрадовала, и обеспокоила. Всё-таки воспитание и темперамент ее мужа подходили для чего угодно, но не для политики. Чтобы как-то отвлечься, она всю ушла в обустройство лазаретов. Миссия Феликса Феликсовича, однако, прошла, без сурка без задоринки, и он вернулся триумфатором и – как раз к рождению внучки.

Малышку крестили в домашней часовне на Мойке в присутствии всей царской семьи. Крестными вызвались император и Минни. Девочку назвали Ириной в честь матери.

Идиллия продолжалась. Император, впечатленный успехами Феликса Феликсовича в Европе, предложил ему кресло главноначальствующего Москвы и главы Московского военного округа. У Зинаиды от таких перспектив чуть не при-

хватило сердце, хотя при муже она старательно гордилась и радовалась.

Как только чета Юсуповых перебралась в Москву, Зинаида позвонила Элле и настоятельно попросила ее приехать, как только найдется время.

Дворец Юсуповых на Чистых прудах впервые появился как точка на карте города еще до Петра, в 17 веке, и с тех пор много раз перестраивался и видоизменялся. Последний раз реконструкцией руководила сама Зинаида и была очень горда тем, что удалось не только достроить еще один этаж, но и отреставрировать самую древнюю часть комплекса. Туда она и отвела приехавшую на карете Эллу. Белокаменный зал, но белого цвета не видать: красный потолок, зеленые стены и шахматный пол – и все расписано цветочными узорами, которые вязью переходили одни в другие и расходились как в калейдоскопе листьями, бутонами и стебельками. Цвета были такой насыщенности, что хоть вырви глаз.

– Что ты хотела узнать? – спросила Элла серьезно, сразу переходя к делу, как только они уселись.

– Элла, ну что я могу хотеть узнать? Ведь ты знаешь о феликсовом назначении и о всем том "счастье", что на нас свалилось.

– И правда, я как раз надеялась поздравить Феликса, – улыбнулась Элла. – Это большая честь, хотя и серьезный вызов. Где же он?

– В управлении. Как приехал, сразу на Тверскую. Только

пообедать успел. Не заговаривай мне зубы. Рассказывай, что у вас происходит. К чему нам надо быть готовыми? И не жалея меня. Я ко всему готова.

Элла с сочувствием сжала ее руку.

– Милая, я бы хотела поделиться с тобою хорошими новостями, но, увы, ситуация очень скверная. Дело в военнопленных. В лазаретах наши враги занимают места наших храбрых воинов, и люди видят, что перевес в пользу немцев очевиден. Я только что писала государю по этому поводу, но боюсь, он меня не услышал. Я умоляла его не посылать больше в Москву военнопленных, не надо им быть бельмом на глазу у и так уже раздраженного города. Москва – город русский, и москвичи не в состоянии это больше терпеть. Я уверена, ты в состоянии их понять, как и я. Во время такого массового ужасного отступления у всех эмоции на пределе, и люди ополчаются даже против тех, кто всегда делал им одно добро! Я, слава Богу, сумела завоевать симпатии города за время моей здесь работы, но даже меня стали обвинять в совершеннейшей ереси! Будто бы я помогаю только немцам, а русских раненых оставляю на произвол судьбы! Мои дамы из христианских убеждений взяли пленных под свое крыло, и во всем этом обвинили меня и начали говорить непонятно что! Я вынуждена была закрыть несколько комитетов, чтобы заставить их замолчать.

– Феликс как раз готовился бороться с немецким засильем.

– О, пусть, пусть он это сделает, и да направит его Господь. Как это сейчас необходимо, как он верно все прочувствовал. Ведь если пустить такое недовольство во время войны на самотек, взрыв неизбежен! Мы все, казалось бы, должны быть научены горьким опытом прошлой революции, но так мало из нас видят опасность...

– Ох, Элла, ну ты меня "успокоила", – пожурила Зинаида. – Он никогда ничем не управлял и тут сразу – Москва! Делай что хочешь и поминай... Тьфу-тьфу.

– Зинаида, верь в мужа.

– Но...

– Верь!

Зинаида игриво, но не без раздражения склонила голову.

– Да, хозяйка.

– И еще одно. Берегись прессы. Вот кто расшатывает бочку сильнее многих. Недавно тут на фабрике произошел пожар. Очевидный несчастный случай да и кто с чистой совестью скажет иначе? Полсотни человек погибло, Царствие им небесное. А в газетах написали, что это диверсия немецких шпионов. Начались беспорядки, которые, к счастью, похоронили в зародыше, а они...

– Продали весь тираж.

– Продали весь тираж!

– Ой, Элла, ну это было очевидно, что так будет. Без скандалов нет продаж.

– Это так низко, что слов нет! Ты, конечно, вольна делать,

что хочешь, но на твоём месте я бы посоветовала Феликсу ограничить свободу печати в этом отношении. Может, ты и сама могла бы повлиять через своих друзей в Думе, чтобы они у себя в газетах не разжигали шпиономанию?

– Вот бы им разрешили писать про Распутина, чтобы было куда направить огонь праведного гнева, – зевнула Зинаида.

– Я не могу слышать об этом человеке, не говори мне о нем. – Всегда бледная Элла пошла красными пятнами. – Это изверг! Как он позорит мою сестру, как он позорит всю Россию. Слышали Вы в Петербурге, чем он занимался в Москве месяц назад?

– Опять кутежи? Я посмотрю, что можно сделать, а вообще, Элла, слушай. Ко мне перед отъездом заходил наш друг Джунковский. Он сказал, что готовит доклад императору по поводу Распутина и собирает материал. Если бы ты могла черкнуть ему пару слов, сказать свое мнение, это было бы чудно.

У Эллы загорелись глаза. Владимира Джунковского она любила как брата, и тот отвечал ей глубоким восхищением и преданностью. Он служил адъютантом ее мужа, и великокняжеская чета часто привечали его в своем загородном имении в Ильинском. Оттуда Джунковского и знали Юсуповы. После гибели Сергея Александровича Джунковский фактически исполнял обязанности генерал-губернатора Москвы, и Элла, проживавшая и трудившаяся в Первопрестольной, часто к нему обращалась и дружбы в целом не

прекратила.

Накануне войны Джунковского назначили на пост товарища министра внутренних дел, то есть под его руководством оказывался среди прочего весь политический сыск. Всем было любопытно поглядеть на такой кульбит. В своей приветственной речи он обещал реформировать систему на более гуманных основах. Репутация Джунковского была такова, что даже его критики ограничились едким вопросом о том, кто кого реформирует: Джунковский охранку или она его. Но свое слово он сдержал во многих отношениях, запретив использовать школьников как информаторов и убрав из Думы депутата-provokatora.

– Джунковский слишком хорошо знает свое дело, чтобы его донос мог остаться без внимания, – задумчиво сказала Элла.

– Если ему удастся разрушить ореол Распутина, мы все будем аплодировать. Только я сомневаюсь, что эта история закончится так просто. Твой Джунковский, кстати, – тот ещё уж. Знаешь, чем меня напутствовал? Сказал, что сочувствует, а не поздравляет! Вот нахал. Впрочем, он прав. Я сама себе сочувствую. Ладно, пусть их всех. Ты как?

– Прекрасно. Я работаю, не покладая рук, и чувствую себя отлично. Воистину нет большей радости, чем труд, особенно труд на благо ближнего.

Скептически настроенная Зинаида, не перебивая, выслушала рассказ Эллы про женские комитеты, про Красный

крест и про сбор вещей для фронта.

– Когда война закончится, съездим в Крым, хоть отдохнешь.

– Ах, Кореиз! – мечтательно вздохнула Элла. – Воистину, если есть рай на земле... Но мне пора. Мужайся, дорогая. Передавай мою любовь обоим Феликсам.

5 глава. Погром в Первопрестольной

В конце мая произошёл бум.

26 числа днём Элла обходила палаты госпиталя, чтобы убедиться, что сестры не отлынивали от своих обязанностей и обеспечивали раненых всем необходимым. До войны в обители было девяносто семь сестер, и имелся госпиталь на двадцать две кровати. Спустя почти год соотношение пре-терпело серьезное изменение. Самые способные в медицин-ской науке сестры с благословения Елизаветы отправлялись на фронт. Для новых раненых приходилось находить места и выписывать их при первой возможности.

Марфо-Мариинская обитель, основанная Елизаветой вот уже как семь лет, выходила на Большую Ордынку. Справа и слева вдоль дороги наседали друг на друга двухэтажные уса-дебки, а дальше в глубине улиц – фабрики из красного кир-пича, больницы, Третьяковская галерея, церкви, дома для бедных, жилые постройки и все это заканчивалось Моск-вой-рекой, а за ней, если пересечь несколько мостов, вдали виднелся Кремль.

К планированию Элла подошла со всей серьезностью, не упустила ничего и привлекла лучшие таланты из доступных.

Щусев спроектировал ей храм, а Нестеров расписал.

Посреди территории, встречая новоприбывших, стоял он — величавый белый храм с тремя куполами черного матового цвета. Самый крупный купол, казалось, был один размером со всю нижнюю часть и как будто раздутым изнутри. Два других купола, расположенные с задней части храма, были маленькие и узкие, точно свечки, только слегка оплывшие. Контраст и отхождение от канонов объяснялись тем, что Щусев работал в стиле модерн.

Справа от входа стоял двухэтажный светло—фиолетовый дом Елизаветы, где она жила отдельно от сестер и в свободное время играла на рояле, рисовала и принимала мирских гостей.

За храмом раскинулся сад, наполненный растительностью, при этом каждый куст имел свое место: отдельно были посажены липы, отдельно елки, а вокруг виляли тропинки, обрамленные деревянными скамьями. Всю обитель окружала белокаменная стена под два метра. В глубине сада пряталась маленькая колокольня с черной крышей.

Дальше с правой стороны стояли небольшая воскресная школа, больница, приют и широкое трехэтажное общежитие для сестер. Внутри квадрата, по периметру которого свободно расположились эти здания, образовалась небольшая площадь с клумбой.

Все здания были кремовых цветов: светло-фиолетовый, цвет слоновой кости, бежевый. Ничто не резало глаз.

Когда Елизавета разговорилась с одним из раненых, к ней подошла ее келейница Варвара.

– Матушка, беда!

Они вышли в коридор.

– Что такое?

Елизавета полночи провела, ассистируя на операции, но усталости почти не ощущала и говорила мягко, хоть и строгим тоном. Сестра Варвара была женщиной редкой верности и скромности, ближе нее у Елизаветы никого в обители не было.

– С Тверской звонили. – На Тверской, в доме генерал-губернатора был расположен Комитет по оказанию помощи семьям лиц, призванных на войну. Елизавета основала его в начале войны. – Там манифестация. Женщины жалуются, что у них отняли заказы.

– А мы тут при чем? Заказы распределяю не я, – с растущим возмущением ответила Елизавета: она начала подозревать, в чем дело. – Пусть идут в ведомство.

– Они говорят, что Вы, матушка, велели отдать их заказы австрийской фирме, – с мукой в лице сказала Варвара. – Простите их, они не ведают! Собралась целая толпа, они заставили Александра Александровича выйти к ним и пообещать, что он разберётся.

Александр Александрович Андрианов был московским градоначальником, человеком слабовольным и вечно чем-то напуганным. Над ним посадили твердого и решительно-

го Феликса Феликсовича, рассчитывая, что тот будет давать распоряжения, а Адрианов, обладающим административным опытом, сможет ему советовать. Получилось же так, что Адрианов стал раболепствовать перед богатством и связями Юсупова и боялся с ним даже говорить, не то что советовать. Юсупов же и не думал спрашивать советов, считая, что начальнику нужна только твердая рука и ничего кроме.

Взяв карету, Елизавета Федоровна отправилась сначала в дом генерал-губернатора, чтобы разобраться, что там конкретно произошло, а потом пошла напрямик в кабинет к Юсупову. Она долго пыталась убедить его, что сегодняшние происшествия (уже не одно, на мануфактуре Губнера начались брожения) есть не что иное, как знак грядущего взрыва. Он отвечал ей осторожно, боясь задеть ее гордость, но Елизавета видела, что Юсупов не принял ее опасения всерьез. Он пообещал только, что ускорит отправку немецких подданных подальше из Москвы под любым предлогом.

Когда Елизавета ехала обратно в обитель, в ее карету бросили камень.

На следующий день Хамовники взорвались, а за ними и почти весь город. Тысячи рабочих ходили по фабрикам с "подозрительными названиями" и требовала выдать им немцев. Кому-то удавалось отсидеться, где-то громили кабинеты и здания, но в Замоскворечье произошли настоящие трагедии. Толпа рабочих напала на управляющего фабрикой, бросила его в реку и забила камнями, когда он пытался выбрать-

ся. Все это несмотря на мольбы дочери управляющего, сестры милосердия, которая была там же и стояла перед людьми на коленях.

Ходили слухи, что тот управляющий был жесток к своим подчиненным вплоть до рукоприкладства и заставлял их часами перерабатывать.

На следующей мануфактуре ворвавшаяся толпа в суматохе убила четырех женщин.

К вечеру прибыли наряды полиции и нагайками разогнали беснующихся. Никого не арестовали.

Детали Елизавете уже потом передал Джунковский. Тогда же в обители они знали только, что начались беспорядки.

Элла всю ночь молилась и вся извелась, не зная, где ей следует быть. На утро она созвала сестер и объявила, что поедет в город. На два часа дня было назначено заседание общества Красного креста, коему она была председательница. Она решила, что представителям власти не следует выказывать страх перед толпой, которая страхом одним и питается.

Отец Митрофан, духовник обители, и сестры так и застыли, зная, что если она решилась, переубедить ее было невозможно, и боясь, что ее там наверняка убьют. Остановить Эллу сумел только звонок от Феликса Феликсовича. Оказалось, что кто-то из городской администрации предупредил Зинаиду Юсупову о намерениях Елизаветы ехать в самый центр, и та немедленно велела мужу звонить в обитель и всеми правдами и неправдами не пускать ее. Поездка была отменена.

Но толпа пришла сама.

С восьми утра сестры Марфо-Мариинской обители оставали людей, которые шли из центра по Большой Ордынке мимо обители, и спрашивали их о происходящем. Кто-то оказывался в буйствующей толпе из праздного любопытства, большинство, чтобы поживиться. Зеваки отпадали от толпы, когда та становилась слишком опасной, и были словоохотливее тех, кто тащил скарб домой.

Один из зевак и рассказал им, что рано утром люди стали собираться на Красной площади, а потом пошли жандармировать торговые улицы. Организованно толпа подходила к магазину, главные (человек пять) отделялись, заходили внутрь и требовали, чтобы владелец им предъявил документ дескать он не является "австро-германцем". Занять эта проверка могла много времени, но очевидец клялся, что толпа спокойно стояла вокруг магазина, как на карауле, пока главные не кричали, что тут "наши" и не махали удостоверением. Иногда же вожаки, наоборот, свистели, что "немец", и толпа вламывалась в магазин, била стекла, витрины, уничтожала все имущество, какое ни попадалось, воровала деньги из кассы. После трёх часов дня о проверках забыли и стали просто грабить. Одновременно в нескольких местах начались пожары.

– Теперь за Тверскую взялись, матушка.

– Хорошо, хоть целым ушел. За что душой бессмертной играешься? – качала головой сестра, забираю у него чарку,

из которого он с жадностью глотал воды. – Иди с миром.

В час дня, когда солнце было в самом зените, а погромы ещё имели идейный характер, к воротам Марфо-Мариинской обители стянулась толпа. Они кричали, чтобы Елизавета выдала им своего немца-брата, которого она якобы прятала в обители. Они кричали много чего.

– Чего они требуют? – спросила Елизавета у сестер, которые прибежали в ее келью, где она обедала в одиночестве, желая сохранить дистанцию между собой и остальными. Все-таки она была настоятельница. Все-таки она была великая княгиня и единокровная сестра императрицы.

Девушки переглянулись.

– Вас.

Ее губы дернулись.

– Немецкую шпионку... Я увижу их.

Почти все сестры высыпали на улицу при звуках буйств. Высокая, статная и уже не молодая Елизавета на виду у них подошла к низкой дверце в воротах, отворила засов и с порога крикнула:

– Что надобно вам в моей обители?

Последовала тишина. Потом звонкий женский голос крикнул из толпы:

– Отдай нам брата!

– Его здесь нет. Здесь только сестры и раненые.

– Немцы там! – крикнул мужчина из центра толпы, и все бурно его поддержали:

– Немцы!

– Все знают, что она там немцев держит!

– Покажи нам госпиталь, ведьма!

– Гессенская ведьма!

– Покажи кого лечишь! Мы требуем от имени населения

Москвы! – залихватски крикнул кто-то из студентов.

Белое лицо Елизаветы почти сливалось с ее одеянием.

– Отворите ворота! – крикнула Елизавета охранникам, а потом снова повернулась к толпе: – Идите и смотрите, кого мы лечим!

К счастью, в это же время из-за угла вылетел конный отряд полиции и разогнал толпу.

Вечером отец Митрофан заглянул в келью к Елизавете Федоровне и нашел ее мечущейся по комнате.

– За что? За что? – повторяла она. – Как они могут?

Язык даже не поворачивался сказать, кто – они.

– Вы слышали, что они говорят про кайзера? – трясясь, спросила она.

Отец Митрофан догадался, что до нее донеслись новые слухи, якобы немецкий кайзер только и воюет затем, что стремится в Москву жениться на Елизавете.

– Терпите, Елизавета Федоровна! Дураков много слушаете. А они самого кайзера вам сватают, – попытался пошутить отец Митрофан. – Стало быть, по рангу жених.

Она обняла его и горько заплакала.

6 глава. Виноватые без вины

Погромы продолжались три дня, пока не были ликвидированы с помощью вызванных из учебных частей солдат. Полиция к ним присоединилась, хотя до этого в основном бездействовала.

Бездействовала она потому, что Феликс Феликсович до самого последнего момента не считал погромы чем-то серьезным и в принципе сочувствовал протестующим. Его патриотическим чувствам претила мысль, что народ взял на себя работу, которую должна была выполнить вышестоящая власть, а их за это надо ещё и наказывать.

Градоначальник Адрианов, преклоняющийся перед Феликсом Феликсовичем, во всем с ним соглашался и тоже сочувствовал.

По итогам весь центр города был разгромлен, причем не только торговые дома, но и частные. Произошло пять пожаров, и пострадали не только граждане Австро-Венгрии и Германии, но и граждане союзных государств, то есть Англии и Франции, и множество российских подданных с иностранными фамилиями, а иногда и с русскими фамилиями.

При усмирении толпы было застрелено еще двенадцать человек.

В Петроград местные власти так и не сообщили о произо-

шедшем, и МВД в лице товарища министра Джунковского узнавало обо всем по своим каналам.

Пока Джунковский, срочно приехавший в Москву, проводил свое расследование, Элла позвала его к себе. Она дала ему понять, что с ее точки зрения Феликс Феликсович сделал все, что мог, для обеспечения безопасности города и, если бы не он, она бы погибла. Джунковский пытался спорить. Элла признала, что это, конечно, только мнение бедной женщины и ошибки несомненно были совершены в силу неопытности, но Юсуповы всегда были вернейшим слугами короны, а для нее – преданнейшими друзьями. Спустя час Джунковский согласился сделать для Феликса Феликсовича все, что будет в его силах.

– Я предупреждаю вас, что считаю полицию виновной в том, что беспорядки не были пресечены в самом начале, – осторожно сообщил Джунковский чете Юсуповых, пока он обедал у них в свой последний день в Москве. Лысеющий, упитанный и отрастившего усы моржа, Джунковский немного походил внешне на Феликса Феликсовича, хотя характеры их разнились чрезвычайно. – И я буду вынужден сообщить об этом императору. Также я буду ходатайствовать за отставку... Адрианова.

Зинаида благостно улыбнулась, уцепившись только за одно имя Адрианова. Феликс Феликсович был менее доволен.

– Как будто я мог на что-то повлиять! – бурчал он. – Мне еще оправдываться нужно, вот выдумка! Пусть дальше рас-

следуют, мне скрывать нечего. Если бы меня направили сюда раньше, я бы, наверное, и мог что-то исправить, но так поздно...

– И что касается второго вопроса, который мы обсуждали, – сказал Джунковский Зинаиде, имея в виду дело Распутина, – Вы можете рассчитывать на меня. Я собрал всю необходимую информацию и собираюсь воспользоваться данным случаем, чтобы передать ее императору.

– С Богом, – напутствовала Зинаида, и Феликс Феликсович, который разделял чувства жены по поводу старца, мрачно и торжественно пожал руку Джунковскому.

– Иначе я поступить не могу, – сказал Джунковский напоследок, но Зинаида, не поняв его, только нахмурилась.

Император ласково принял Джунковского в Царском селе и выслушал его доклад о Москве. Помня о своем обещании Елизавете Федоровне и Зинаиде Юсуповой, Джунковский предложил, чтобы более подробное расследование провел Сенат. Таким образом, дело Юсупова не попадало в руки городской Думы и левых партий, которые вынесли бы на людской суд все детали и превратили бы Феликса Феликсовича в посмешище. Джунковский также назвал в качестве желательной фигуры на роль следователя сенатора самых германофобских взглядам, предвидя, что тот будет вести дело самым снисходительным образом по отношению к Юсупову.

Николай со всем согласился, а потом Джунковский попросил позволения рассказать о том, что давно его мучило.

– Пожалуйста, говорите, – сказал Николай, сложив руки в замок и серьезно посмотрев на него.

Джунковский начал перечислять то, что делал Распутин вне Царского села. Он говорил о пьяных дебошах, много раз задокументированных его агентами, о связях с непотребной публикой, с неприличными женщинами, о том, что Распутин требовал деньги за свое заступничество перед императрицей, о том, что об этой самой императрице он высказывался самым непростительным образом, когда напивался, и что он всячески бахвалился своим влиянием при дворе.

Джунковский закончил на том, что весь высший свет, включая лиц с безупречной репутацией, един в своей низкой оценки деятельности Распутина.

– Я никогда не позволил бы себе вмешиваться в чисто личную и семейную жизнь Вашего величества, – добавил Джунковский твердо, – если бы не считал, что общение царской семьи с таким человеком расшатывает трон и грозит династии. И потому я не исполнил бы своего долга верно-подданного, если бы утаил хоть что—то из мне известного.

– У Вас есть это все изложено, у вас есть памятная записка?

– Да.

– Дайте мне ее.

И император, вне внимательно выслушавший, положил записку в ящик письменного стола.

Когда в Москве узнали о том, что сделал Джунковский,

случилась его словесная порка.

– Вот помощник, вот так помог! – негодовала Зинаида, а Элла шла красными пятнами.

– Я могла бы написать государю? – предложила великая княгиня, оскорбленная столь малой помощью от старого приятеля.

– Уж пожалуйста, – не стала играть недотрогу Зинаида. – Я уже писала Ксении, всё-таки не чужие друг другу люди, внук общий, наши дети женаты, и ничего. Она рыба, не женщина! И Минни попросит, конечно, но уж не знаю, насколько она станет утруждаться. Со мной она вообще вела себя так, будто делает большое одолжение. Что она там скажет императору...

С Джунковским они рассорились окончательно и бесповоротно несмотря на его попытки объясниться.

Уход Феликса Феликсовича из политической жизни прошел тихо и без скандала. Через месяц его должность просто ликвидированы, и нежелательному двоевластию в управлении Москвой пришел конец.

По мнению Юсуповых, отнюдь не все приличия в их отношении были соблюдены, а форма, в которой Феликсу Феликсовичу сообщили о произошедшем, была совершенно неприемлема. Они много раз пытались донести эту мысль наверх, но каждый раз перед ними запирали дверь.

У Зинаиды был один бальзам на сердце – сам Джунковский продержался не сильно дольше. Без объяснения причин

он был уволен по личному указу императора через полтора месяца после того, как представил записку о Распутине.

Императрице удалось убедить своего мужа, что весь доклад Джунковского не иначе как ложь, направленная на то, чтобы разъединить их и ослабить. Сама она ни на секунду не верила ни единому слову, которые были сказаны против ее кумира.

Но все эти события меркли по сравнению с новостью, которая облетела столицы в августе: император хотел объявить себя верховным главнокомандующим и, соответственно, сместить с этого поста великого князя Николая Николаевича. Сделать он это решил для поддержания боевого духа в войсках, который заметно пал в ходе летнего Великого отступления. Николай Николаевич был представителем одной из боковых ветвей дома Романовых, и нынешнему императору приходился двоюродным дядей, хотя и был его ровесником. Импозантный красавец с завитыми усами и веселыми глазами, в семье он получил прозвище: "счастливчик". Даже отступление, в результате которого была потеряна вся Польша, не лишило его народных и великосветских симпатий. Он был популярен. Зинаида подозревала, что даже слишком популярен на вкус императора.

Или, возможно, дело было в разрыве, произошедшем у Николая Николаевича с Распутиным этой зимой. Изначально-то именно жена Николая Николаевича, черногорская княжна, познакомила царскую семью со старцем. "Что ж ей

спокойно не сиделось!" – с горечью думала Зинаида в очередной раз. Как только черногорку привезли в Россию, высшее общество, не моргнув глазом, тут же нарекло ее "Черным горем". И, увы, оказалось право! Первое время Распутина действительно сблизил императорскую чету и семью Николая Николаевича, но потом они с ним что-то не поделили, и Николай Николаевич сам удивлялся, как они такую змею могли проглядеть да еще и к императору подвести.

Зинаида увидела в слухе о новом назначении возможность выскочить из "опалы", в которую они угодили, и полетела к председателю Государственной Думы Родзянко посоветоваться. Зинаида дружила с его женой и с ним самим. Со стороны походивший на высокий платяной шкаф, пятидесятилетний Михаил Владимирович Родзянко был монархистом, помещиком, интриганом и обладателем потрясающего баса, чему по большому счету и был обязан своим положением председателя Думы. Слышимость в Таврическом дворце, где собиралась Дума, была отвратительной.

Родзянко как раз репетировал свою речь перед императором, когда Зинаида нанесла ему визит.

– Как же звали дворянина, который просил Александра I отдать армию в управление Кутузова? Вы не знаете? – спрашивал он Зинаиды и у жены, поправляя эполеты на новом парадном костюме.

Никто не мог вспомнить. Переговорив с четой Родзянко, Зинаида решила немедленно идти в Аничков дворец к Мин-

ни и через нее попробовать воздействовать на императора.

– Если он это сделает, это будет катастрофа! – убеждала Зинаида. – Его будут винить во всем! Нет патронов, нет провианта, что там ещё. И когда мы отступаем! Принять на себя ответственность за все в такое время – сумасшествие! Все в этом уверены.

Минни беспокойно на нее смотрела.

Не разбираясь ни капли в предмете, она могла внутренним чутьем догадаться, кто из докладчиков молол чушь, а кто говорил дело. Интуиция хорошего управленца редко ее подводила. В этот раз она, однако, и сама видела, что этот шаг ее сына был ошибкой.

– Я не сомневаюсь, что это опять ее рук дело! – гневно топнула ножкой Минни. – Точнее их, с этим отвратительным стариком. Они ненавидит Николая Николаевича. И о, Господи, да ведь люди в этом увидят ее приказ, а через нее приказ Распутина!

– Иногда я думаю, – заявила Зинаида, – что единственный способ прекратить этот кошмар, – отправить ее в монастырь! Минни ахнула, но ничего против не сказала.

Император не послушал ни мать, ни председателя Государственной Думы. Теперь большую часть времени он проводил в Ставке, а из Царском села правила императрица. На пару с Распутиным.

7 глава. Помещица и царица

Оскорбленные в лучших чувствах, Юсуповы провели следующий год в семейных заботах, так как больше участвовать в государственном управлении их никто не звал. Молодая мать Ирина часто и подолгу болела, и маленькая Ирина оказалась такой же болезненной. Зинаида часто присматривала за внучкой, страшно переживала и измучила всех докторов. Одного, очень хорошего, ей прислала Элла из своего госпиталя в Москве.

Ксения, вторая бабушка, писала о том, какие новинки в медицине могли бы помочь, заваливая Зинаиду терминами и теориями до такой степени, что в итоге Юсупова просто перестала ей отвечать.

Летом 1916 года Александра Федоровна предложила переселить ребенка в Царское Село на время, чтобы там за ним приглядывали доктора из ее личной лечебницы. Маленькая Ирина была в конце концов двоюродной внучкой императора.

Зинаида с подозрением приняла это предложение. Но муж убедил ее воспользоваться возможностью для сближения.

Две первые встречи для них прошли в разговорах о детях и благотворительности. Пока они гуляли по саду, Александра Федоровна рассказывала, как много удовольствия ей

доставляет работа в лазарете с дочерьми и забота о раненых и как многому они там учатся. Ее глаза буквально сияли. Чтобы не отстать, Зинаида поведала о небольшом лазарете у моря, который ее сын организовал в Крыму. Императрица в ответ миролюбиво улыбнулась. Они говорили почти как во время их недолговечной дружбы лет двадцать назад, когда Зинаида была фрейлиной у молодой императрицы.

Александра Федоровна от природы была вполне недурна и была бы истинной красавицей, если бы не вечно унылое выражение лица. К себе в фрейлины и компаньонки она брала страшных уродин, на фоне которых, вероятно, надеялась выглядеть выигрышнее.

Впечатление состоялось такое, будто Александра Федоровна горбилась (она никогда не горбилась), а Елизавета Федоровна сидела с прямой спиной. Потухший взгляд младшей сестры не мог соперничать с пронизательным взглядом старшей. Александра Федоровна была ужасно застенчивой, властной, религиозно экзальтированной и всегда недовольной. Она любила мужа и до безумия обожала детей, особенно сына, с появлением которого связывались все ее чаяния. Она видела весь свой долг перед мужем и его страной в том, чтобы произвести наследника.

Терпение Зинаиды быстро иссякло. "Россия изнывает, а мы что?", – писала она сыну, и вот однажды решилась пойти в нападение.

На третью аудиенцию Юсупова принесла подарок.

Императрица приняла ее в золотой зале, с потолка которой свисала огромная люстра с сотней незажженных свечей. По бокам стояли мраморные фигуры нимф, а из-за зашторенных окон пробивалось солнца и запах буйной летней зелени.

Они сидели одна напротив другой в высоких кресла и сладко друг другу улыбались, закончив говорить о чем-то неважном. Вдруг Зинаида выложила на стол сияющие бриллиантами серьги.

– Я знаю, мы с Вами не в лучших отношениях последнее время. Но мы просто обязаны найти общий язык в такие тяжелые времена. Прошу, примите. Это для меня много значит.

Аликс со слащавой улыбкой потянулась к сережкам.

– Какая чудная работа! – воскликнула она. – Я непременно буду их носить. Кто производитель?

– Франция, 18 век. Их носила королева.

– Какая же? – спросила Аликс из вежливого интереса.

– Мария Антуанетта.

"Надеюсь, я донесла свою мысль", – говорили глаза Юсуповой в ответ на свернувшуюся кислым молоком улыбку императрицы.

– Я прошу Вас уйти.

– Нет, я выскажусь. Вы всех оттолкнули от себя, чтобы никто не смел сказать вам правды. Но я здесь и не уйду, пока не скажу все, что думаю.

– Я слышала, что Юсуповы сделали свое состояние, потому что знали свое место, – обронила императрица.

– Мое место! Я на своем месте. Служу дому Романовых, как и все мои предки. Прогоните Распутина. Это мое единственное требование, моя единственная мольба.

– Я этого не сделаю, – отмахнулась Аликс.

Зинаида сложила руки в молитвенном жесте.

– Ваше величество, поверьте мне. Я знаю, о чем говорю. Я таких, как он, насквозь вижу. Меня они всю жизнь окружали, только я была слишком глупа и наивна, чтобы увидеть. Такие только и делают, что крутятся вокруг самых знатных и богатых. Они как мушиный рой, эти волки в овечьей шкуре. Он наверняка окружает вас лестью, говорит, что Вы вторая Екатерина Великая. – Аликс дернулась, и Зинаида поняла, что попала в точку. – Он говорит, что Вас никто не понимает и все Вам завидуют. Ну разве я не права? Я знаю всю эту схему назубок. Он говорит, что Ваш муж слишком добр и на вашу долю выпало защищать его от недоброжелателей. А он, Распутин, знает, кто желает добро, а кто зло, потому что он, дескать, божий человек. А Вы так искренне верите в Бога, ведь я знаю Вашу, – "сестру", недоговорила Зинаида, – Вашу религиозность. Он говорит, что он Ваш единственный друг...

– Он и есть наш единственный друг! – вскричала императрица. – И его суждению я доверяю абсолютно, слышите Вы меня? Абсолютно! И этого Вам должно быть довольно. Он

святой человек, а святые люди всегда мученики! Их всегда мучали, сжигали на кострах...

"Поскорее бы!" – в сердцах подумала Зинаида, а вслух:

– Я, я буду Вашим другом! Мы все станем за Вас горой, только прогоните Распутина! И Вас все полюбят. – Она сделала глубокий вздох. – Вы знаете, наверное, что мой старший сын, Николай, что он погиб на дуэли, куда был втянут таким же шарлатаном, как Ваш Распутин. С тех пор я их так ненавижу, что страх берет. Клянусь, тогда я на время ополумела. Я желаю Вам никогда не узнать подобной участи, но если Ваши глаза откроются слишком поздно, это будет конец не только для Вашего мужа, но и для Ваших дочерей и для наследника! Вы приведете нас к катастрофе, к новой революции!

– Вы не понимаете, что он делает для меня, – сказала Александра Федоровна непонятым тоном и снова отодвинулась. До этого она почти приняла руку Зинаиды в свою.

– Нет, это видно Вы не понимаете, в каком положении находитесь! – вспылила Зинаида. – Вас все ненавидят, понимаете Вы это или нет? И стар, и млад, и крестьянин, и помещик, министр и вся поголовно Дума, а Вы что делаете? Вы будто нарочно подогреваете их ненависть. Знаете, что о Вас говорят? Говорят, что безграмотный мужик указывает императору, что делать, а императрица с этим мужиком... – она замялась, – готовит сепаратный мир! И это во время войны, когда народ должен напрягать все силы ради императора, Вы

его позорите!

– Когда об императрице говорят гадости, дело верного подданного защитить ее! А не доносить ей потом, что про нее говорят гадости! Согласны Вы со мной или нет, но есть присяга, есть долг, есть честь!

– Если бы я бегала и защищала Вас каждый раз, когда о Вас говорят гадости, мне бы пришлось оббегать всю Россию три раза на дню! – Зинаида выдохнула. – Неужели Вы не понимаете, что при нынешних обстоятельствах даже если он и правда святой, трижды святой, его все равно надо отослать? Никакая помощь не может пересилить тот вред, что он наносит. Вы губите династию.

– Я спасаю династию.

– Ну так пеняйте на себя. Никогда я не видела такого самодурства, такой безответственности...

– Надеюсь, я Вас больше никогда не увижу, – сказала Александра Федоровна и ушла из зала.

Конечно, она не могла сказать, что залогом ее веры в чудодейственные силы Распутина была его способность исцелять ее сына. Для императрицы и императора недуг наследника имел характер государственной тайны: они пытались, как могли, скрыть, насколько все было плохо. Царевич Алексей болел гемофилией, любой ушиб влек за собой внутреннее кровотечение, сильнейшие боли, а в худших случаях и смерть. Это выяснилось, когда ребенку было два месяца. От гемофилии погиб и младший брат Аликс и Эллы, когда они

сами были детьми. Царевич Алексей целыми днями лежал, стоня от боли, страдая от каждого движения, а Распутин одним своим появлением делал так, чтобы мальчику стало лучше. За это Александра Федоровна готова была идти за Распутиным в огонь и любому его слову повиновалась, как слову господу бога.

"А недовольные, – думала она, – всегда будут нас хулить. На большее они неспособны".

8 глава. Заговор

Осенью 1916 года в мозгу у Феликса Юсупова созрела гениальная идея. Если действовать через императрицу невозможно, как в красках сообщила ему матушка, значит, надо действовать через Распутина. С врагом надо бороться его же средствами: приблизиться к Распутину, обещая расчетливому старику золотые горы, через него вернуться в фавор императрицы и уже тогда, выйдя из опалы, убедить ее, что Распутин ей не нужен.

Так думал не он один. Министры часто сперва завоевывали расположение Распутина, получали должность, а потом начинали копать под старца, если были похрабрее. Если расчет Распутина и расчет императрицы оказывались неверны столько раз, почему бы им не ошибиться вновь и поверить в искренние намерения Феликса?

– We all plant the seeds of our own destruction², – философствовал Феликс, не забывая, что он всё-таки выпускник Оксфорда. Жена слушала его, широко распахнув глаза. Она была его первым конфидентом. Ирина очень немного понимала в монологах мужа, но была в восторге и со всем согласна. Феликсу другого и не требовалось: восхищенный зритель

---

² (англ.) Мы все сеем семена нашей гибели.

соответствовал всем его нуждам в собеседнике. Они ладили великолепно. – Вот и старец Распутин сам будет звать меня к себе. Он подлетел слишком близко к солнцу. Нашему пожилому Икару, который дожил до седины, а ума не нажил, пора лететь в обратном направлении.

Феликс пришел к старцу под предлогом, что он хотел излечить свою язву, которая мешала ему пойти на фронт и отдать долг родине.

Распутин был высоким стариком с кучерявой черной бородой, сальными волосами, носом картошкой и глазами-бусинками. Он обладал удивительным даром гипноза, и мало кто мог перенести его пронзительный взгляд.

На все красноречие Феликса Распутин отвечал, что "благое дело, благое", а сам хмыкал себе под нос да кивал. Он только наговаривал да давал травяные отвары. Иногда Распутин набирал в рот святой воды и плевал в лицо пациенту, но Феликс, скрипя зубами, терпел и превозносил старца на невообразимую высоту. В каждый свой новый приход Юсупов говорил, что ему стало намного лучше и он почти забыл про свой недуг. Старик только напыживался, говорил "то-то!" и продолжал заниматься тем же шаманством.

С присущей ему деликатностью Феликс заговорил о том, как сильно его матушка скучает по общению с императрицей, как батюшка чувствует, что в это тяжёлое время они могли бы делать для страны больше – если бы были допущены. Как они волнуются, что императорская чета вынуждена

справляться со всеми испытаниями в одиночестве.

– Как хорошо, что у них есть Вы, Григорий Ефимович! – воскликнул Феликс и тут же почувствовал, что дал маху. Распутин глянул на него своими страшными глазами и ухмыльнулся. Феликс тут же заговорил о другом, но урон был нанесен.

Старик что-то подозревал. Не мог он не знать, как долго и с какой страстью Юсуповы пытались вырвать его из Царского села, как если бы он был плющом, а не человеком. А если он что-то подозревал и продолжал принимать Феликса у себя, значит, он просто играл с ним. Деньги брал, слушал обещания о еще больших капиталах, а сам и не думал просить императрицу за него. Говорил, что Бога будет о нем молить, а про себя посмеивался. За нос его водил. Ну, посмотрим, кто кого.

Даже мать стала беспокоиться и писала ему из Крыма, где с мужем и внучкой проводила осень. До нее дошли слухи о том, что Феликс начал сближаться с Распутиным, и она требовала разъяснений. Феликс их не предоставил, убеждая, что просто ищет компромат на Распутина.

В мстительных думах Феликс пришел на открытие Государственной думы после полугодового перерыва. Тема была животрепещущей: темные силы и министерская чехарда.

Временщики, которые во времена мира оставались бы у власти годами, теперь раскачивались и падали каждые два месяца, как бумажные фигурки, на которые достаточно по-

дуть и они исчезнут.

Кто неделю назад казался не сменяем, на этой был сменен. К середине '16 года уже все поняли, что нет никого, кто был бы незаменим, и новые министры, назначенные с благословения Распутина или в результате лавирования между разными политическими силами, не считали нужным переезжать на казенные квартиры. Все равно скоро скажут съезжать.

А сам Распутин оставался.

С думской трибуны депутаты обвиняли царское правительство в глупости или измене, в неспособности довести войну до победного конца. Их огонь праведного гнева распалил Феликса, и домой он вернулся, уже готовый на заговор.

На следующее утро Феликс отправился к Родзянко, председателю Государственной думы и старому приятелю Юсуповых.

– А всё-таки Распутина надо бы убрать, – сказал Феликс почти мягко, когда они наговорились о будущем России.

– И физически! – громыхнул Родзянко. – Убрать физически, вот что я вам скажу. Как и действовать иначе, если все перепробовано, а ничего не выходит. Да попадись он мне в руки! Для меня вопроса нет: Распутин должен быть уничтожен.

– Так за чем же дело стало! – воскликнул Феликс, вскакивая с кресел. Родзянко моргнул на него несколько раз пустыми глазами и решительно потряхнул головой:

– И действительно! Именно так и надо!

– Так давайте!

– Если бы я только был чуть помоложе, – вздохнул Родзянко. – Я бы именно так и поступил, не будь я столь стар. Конечно, как иначе. Да и какой тут может быть разговор: такого-то клеща, шпиона, изменника... Э, что же, Вы не останетесь на чай?

– Занят.

– Передавайте Вашей матушке привет от меня и от жены. Ах, радикулит! А то бы я...

– Передам-передам, – сказал Феликс и запрыгнул в карету. – Родзянка! – фыркнул он, отъезжая.

С другими потенциальными соучастниками разговор был еще короче. "Да, конечно надо, но что вы, как, не всерьез же, если императрица узнает, и ведь за ним следят..."

Так Феликс узнал, что Распутина охраняют сразу три учреждения, но соратников не приобрел.

Раздраженный, как-то раз он пришел домой и застал у жены ее подругу, Ирину Энери, известную пианистку. Она приехала попрощаться с Ириной перед отъездом той в Крым: она снова приболела, и петербургский климат был ей противопоказан. Феликс понимал, что там Зинаида выпытает из невестки все, и милостиво разрешил Ирине не скрывать от его матери ничего, что она знала о заговоре.

– И как поживает Ваш муж? – спросил Юсупов, у которого уже мелькнул в голове план. – Оправился после травм?

– Прекрасно оправился, я беременна. – “И от него! Ни за что не поверю”, – подумал Феликс. – Дорогая, – Ирина Энери повернулась к Ирине Юсуповой и указала глазами на свой живот, – ужасная морока, как я тебя понимаю, и хуже всего: я не смогу выступить! Он хотел Вас видеть, кстати говоря, Феликс, Вы его уже неделю не навещаете.

– Не откажу нам обоим в удовольствии.

Феликс действительно сдружился с поручиком Сухотиным, пока тот отлеживался в Петербурге после ранения, полученного на фронте. Теперь Сухотин служил в запасе. Человек это был страстный и увлеченный, но нервный, готовый стрелять в каждую тень, что представляло серьезную опасность, так как он был хорошим стрелком. Высокий блондин с выпуклым лбом и водянистыми глазами, он называл себя толстовцем³, но в пределах разумного. Высокомерное выражение настолько часто появлялось на его лице, что без него он бы выглядел, как другой человек.

– Человека забирают из дома и суют в окопы, – говорил он, чуть ли не в трясучке. – И дают палку вместо винтовки и говорят идти против немца. А у немца винтовка!. И человек начинает думать, почему у него палка, а у немца винтовка. А другие ему помогают думать и отовсюду: измена! Попробуй потом остановить его полицейскими нагайками. А что государь, где государь, какой государь? Нет, дворянин во мне проснется только, когда я увижу, как императора станут

---

³ Толстовец – последователь философских идей Льва Толстого.

разрывать на площади, не раньше. Тогда я ринусь ему на помощь.

– А может всё-таки сейчас, – предложил Феликс лениво, – и мы предотвратим столь мрачную развязку?

– Что Вы предлагаете?

– Убить Распутина.

– Я согласен.

– Рисков не бойтесь. С нами будет великий князь.

Дмитрий Павлович находился в Ставке с императором, другими родичами и генералитетом, но по просьбе Феликса выловил момент и приехал в Петербург.

– Да, я тоже об этом думал, – ответил он, когда Феликс изложил ему суть своего предложения. Они сидели в ресторане в центре Петербурга, за лучшим столиком, попивая кофе. – Но не знал, как превратить замысел в жизнь.

– С тобой нас будет трое. Дело останется за малым: убить старика и избавиться от тела.

– Феликс! Как ты можешь говорить об этом так пошло! Я делаю это для государя.

– Конечно. Как и я.

– Я не узнаю его, он будто околдован. Он ходит и отвечает, но жизни в нем нет. Интерес, воля, все исчезло.

Николай II был несколько лет воспитателем Дмитрия после того, как Елизавета Федоровна ушла в настоятельницы. К Дмитрию он относился очень хорошо и всегда принимал его у себя с радостью.

– Я сделаю все, чтобы облегчить его ношу, – сказал Дмитрий мрачно. – Дядья хотят вынудить его руку.

Феликс зевнул.

– Это пройденный путь и, увы, пройденный бездарно.

– Дело не в этом. Я не хочу заставлять его делать то, что ему противно. Мне придется вернуться в ставку, но это ненадолго: меня тоже хотят отделить от государя. Сейчас это, как ни странно, будет нам на пользу!

Дума продолжала бушевать. Депутат Пуришкевич громко и гласно обвинял Распутина и Александру Федоровну в том, что из-за них престиж императора в армии летит в тартарары. Это возымело сильный эффект, потому что, во-первых, Пуришкевич был такой страстный монархист, что даже черносотенец, и от него слышать критику царского режима было немислимо. Во-вторых, Пуришкевич действительно много времени проводил со своим санитарным поездом на фронте и, соответственно, скорее всего знал, о чем говорил. В-третьих, он не использовал иносказания, к которым досели прибегали все остальные.

Незамедлительно Феликс позвонил Пуришкевичу и договорился о личной встрече.

– Ваша речь прекрасна, но результата не возымеет, – сказал Юсупов с порога. – Император не любит подчиняться Думе. А императрица из упрямства только сильнее вцепится в Распутина.

– И что же – не делать ничего?

– Почему ж? Распутина можно убить.

– Да кто же за это возьмётся?

– Люди найдутся.

– Вы думаете?

– Я убежден! Один из них перед Вами.

Пуришкевич начал нервно ходить по комнате.

– Князь, князь, таким не шутят. Вы не говорите мне ничего, о чем я сам бы не думал, причем годами...

– Владимир Митрофанович, не волнуйтесь. Не волнуйтесь. Все в порядке. Если Вы готовы...

– О, я готов! Для империи, для монархии я готов.

Пуришкевича не раз и не два уводили из Таврического дворца, где состоялись заседания Думы, за драки и за то, что он не мог сдерживать свои порывы.

– Вот и славно. Приходите ко мне сегодня. Я познакомлю Вас с нашими единомышленниками.

Познакомив нового участника кружка с Дмитрием и Сухотиным, Феликс приступил к делу.

– Мистер Распутин давно ищет случая встретиться в интимной обстановке с одной известной петроградской красавицей. Не буду раскрывать личность дамы, скажу лишь, что она моя жена. Она сейчас в Крыму, но я пообещал нашему другу, что могу устроить им встречу прямо у себя дома. Дескать, она болеет и жаждет встретить такого известного целителя, как Григорий Ефимович, и, разумеется, в интимной обстановке, у нас дома. Вы видите, друзья, что при та-

ком расчете избавиться от Распутина не составит труда, надо лишь решить как.

В ходе бурной дискуссии пришли к выводу, что отравление – наилучший вариант ввиду того, что прямо напротив дворца Юсуповых находился полицейский участок и звуки выстрелов вызвали бы подозрения.

– Нам нужен яд, – заключил Юсупов.

– Врач сможет достать цианистый калий, не вызывая подозрений. Предлагаю кандидатуру своего боевого товарища, доктора С. С. Лазаверта, – сказал Пуришкевич торжественно. – Он два года провел со мной на фронте.

Молодые люди переглянулись.

– Принято.

Еще с полчаса они для приличия поговорили о политическом устройстве России – в 1916 году в России без этого было нельзя. Заговорщики решили встретиться еще раз, чтобы уточнить план и познакомиться с доктором.

– Кстати, как Распутин к Вам относится, Феликс? – спросил Дмитрий. – Вы пользуетесь его доверием?

Юсупов рассмеялся.

– О, несомненно! Я ему очень нравлюсь. Он пророчит мне карьеру большого государственного деятеля и обещает все для этого устроить.

– А Вы что?

– Я скромно отвечаю, что не нахожу себя достаточно опытным для столь ответственной работы, но что я глубоко-

ко польщен мнением такого проницательного человека, как Григорий Ефимыч.

Все рассмеялись.

– Mais c'est ravissant, vraiment ravissant⁴, – повторял с улыбкой великий князь.

– Клянусь вам, господа, – хохотал Юсупов, – у цыган я приобрел бы такие же услуги, как у этого старца, да позрелищнее.

– А его это ле-че-ние? – спросил все больше молчащий Сухотин. – Оно вообще работает?

– Умоляю. Хотя последнее время я действительно чувствую себя недурно, – хмыкнул Феликс. – Хоть какая-то польза от моей жертвы, а то сколько можно терпеть этого мужика.

Ввиду того, что Дмитрий был занят следующие две недели и не мог не появиться на встречах, так как это вызвало бы ненужные вопросы, заговорщики отложили вопрос до 16 декабря 1916 года.

Столь красивая дата привела Феликса в восторг: он увидел в ней предзнаменование грядущего успеха и подтверждение исторической значимости события.

Благодаря такой отсрочки у молодых людей оказалось достаточно времени, чтобы съездить в Москву за благословением.

---

⁴ (франц.) Но это очаровательно, просто очаровательно!

9 глава. Две сестры

– Позвольте мне последнюю попытку, – сказала Елизавета Федоровна, выслушав молодых людей. Ее племянник Дмитрий и Феликс Юсупов приехали в Москву вместе, желая узнать ее мнение и получить благословение. – Я хочу поговорить с ней. Если она снова отвернется, делайте, что должно.

– Разумеется, тетя Элла.

– Мои смельчаки. – Она поцеловала в лоб сначала одного, потом второго и перекрестила их. – Россия не забудет вас. Но дайте мне попробовать. Не может быть, чтобы моя сестра окончательно ослепла.

Елизавета Федоровна поехала в Царское село и, уже будучи там, запросила аудиенцию у императрицы. Она сделала все по этикету, сделала покорно и миролюбиво, чтобы не задеть самолюбие Аликс. Та до сих пор по-девчоночьи бунтовалась против старшей сестры. Элла пришла не за скандалом.

– Ты по делу или так? – спросила Аликс. Она принимала ее официально, стоя, в зале приемов, а говорила до оскорбительного грубо. Выпячивала дистанцию между ними, подчеркивала холодность и нежелательность приема.

– По делу, – ответила Элла, а сама рассматривала сестру. –

Присядем? – сказала и чуть не откусила себе язык, но поздно: Аликс уже посмотрела на нее волком и резко кивнула. На власть ее покусилась, на статус хозяйки. Кто здесь предлагать должен? Они сели, и Элла тут же попыталась перевести разговор на более приятную тему: – Как твои девочки?

– Хорошо, спасибо, – процедила Аликс сладчайшим голосом, который не скрывал, а, напротив, выказывал, что терпение ее было на исходе. Элла поймала ее презрительный взгляд на своем монашеском одеянии.

– Ты не спросишь, как моя обитель? – спросила Елизавета Федоровна.

– Ты для этого сюда приехала? Чтобы об обители своей хвастаться? Как это на тебя похоже! Ничего другим не оставишь, всё себе.

– Алике, Алике, о чем ты говоришь. Я не понимаю тебя.

– Да ты – только себя и понимаешь! Зачем ты сюда приехала, говори сразу. У меня полно дел, все для тебя отложила. Элла сцепила зубы.

– И я благодарю тебя за то, что ты уделила мне время. Я слышу, как много вы с Ники трудитесь. Если бы вы знали, как много я молюсь о вас двоих, бедных, как молю Бога, чтобы он дал вам хоть немного отдыха.

Аликс ничего не сказала, но видно было, что она стала понемногу остывать.

– Милая моя, я слышу ты преуспела на медицинской стезе. – Аликс зарделась, и Элла даже осмелилась пересесть к

ней на диван и взять ее руки в свои. – Мама была бы рада.

– У Оли получается очень хорошо, но это потому, что она за дело взялась всерьез. А Татьяна ленится, брезгует, потому и результат хуже.

– Ты большая молодец. И твои девочки тоже. Хорошо, что люди видят, как о них печется царская семья. Это укрепит их в любви к Ники.

– Что ты разговариваешь со мной, как с маленькой? Разве я сама не понимаю? Или думаешь, я из одного человеколюбия? Нет, я честнее тебя, я признаю, что у меня был и корыстный мотив.

– Все, что на благо людей, – хорошо, – сказала Элла осторожно. – Я знаю, ты понимаешь, как важно сейчас, именно сейчас, чтобы народ любил Ники, чтобы они чувствовали его заботу, а ведь пока он там, ты – и этого никто не отрицает, милая, – ты здесь за него. Как важно именно сейчас, во время большой войны, чтобы народ, армия и император были едины.

Аликс не нашла, что возразить, и Элла продолжила:

– Меньше всего я хочу причинять боль тебе или Ники, ты знаешь, как я люблю вас обоих, но я не могу молчать. Было бы трусостью или преступлением скрыть от вас то, что я знаю. Я чувствую, как на нас надвигается буря. Все слои общества, от низших до высших, и даже те, кто на фронте, дошли до предела. Отстрани от себя этого человека.

– Элла, уйди.

– Верни его, когда наступит мир, если тебе он так нужен, но сейчас отстрани его. Хотя бы на время. Дай слухам утихнуть, а умам успокоиться. Пусть люди направят свою злость на нашего врага, там, где ей место.

Аликс качала головой и криво улыбалась.

– Как ты любишь строить из себя святую! А на деле главную добродетель – покорность – так и не выучила.

Элла отодвинулась и прохладно сказала:

– Я говорю только из любви к тебе и страха за бедную Россию.

– Моего слова тебе должно быть достаточно, чтобы почитать этого человека святым! Любому подданному, только если он хороший подданный, должно быть достаточно того, что я знаю, зачем Григорий мне нужен! Что на то императорская воля. Хороший подданный поймет, что он может знать не все, но я—то знаю! И не их дело спрашивать с царя или царицы.

– Те, кого ты называешь хорошими подданными, льстецы и обманщики. Они пользуются тобой. Им нужна одна нажива.

– А тебе нужно, чтобы все было по-твоему.

– Нет, мне нужно, чтобы ты наконец прислушалась к своему народу.

– Я слушаю! И я знаю, что, несмотря на все ваши козни, народ любит меня и обожает Ники. Несмотря на так называемое высшее общество и Думу, которая только и делает, что

интригует против меня.

– Конечно, – сказала Элла, помолчав, – конечно, они тебя любят. Но ты не позволяешь им выказать свою любовь. Между тобой и людьми стена, и имя этой стены Григорий Распутин.

Аликс хохотнула.

– И вот ты опять доказываешь, что ничего не знаешь. Я только что вернулась из поездки в Новгород. Меня никогда так хорошо не принимали.

Элла посмотрела на нее с болью. Одна удачная поездка в такое время, и она достаточно наивна, чтобы приводить ее в контрпример всему, всему!

– Аликс, услышь меня. Дума говорит страшные вещи, страшные, но в них есть справедливость, и не я одна это вижу. Правительству никто не верит после того, как вы так часто и так неосторожно меняли министров. Церковь, а крепче нее у самодержавия опоры нет, и та ропщет. И Распутин – символ всему. Уступи. Выкажи ту покорность, которую проповедуешь, научи меня, неумную...

– Не указывай мне, Элла. Мы больше не в Дармштадте. Я твоя императрица. А мнение общества надо уметь игнорировать, когда надо. Тебе давно пора этому научиться. Я научилась. Без этого править нельзя. Что бы эти шакалы ни говорили, для меня они мусор. А ты! Представляю, как тебе было горько, когда в тебя, любимицу Москвы, стали там камнями бросать!

Элла побурела до кончиков волос.

– Этот грязный фанатик будет твоим концом. Ты ещё пожалеешь, что не послушала меня и всех, кто желал тебе добра. Когда-нибудь помутнение в твоей голове рассеется, и ты увидишь, что он дьявол, посланный тебе как испытание.

– Как ты смеешь? Мой сын жив благодаря ему. Мой муж жив благодаря ему – Григорий молится о нем постоянно, а ты?! Уходи из моего дома.

Элла почувствовала, как слезы застилают ей глаза.

– Ведь в эти сплетни впутывают и твоих детей. Какие гадости говорят о твоих девочках, Аликс. Ради них – послушай меня, – сказала она тихо.

Аликс обомлела и вдруг как будто превратилась в дикого зверя.

– Убирайся отсюда! – закричала она. – И если приблизишься к Ники, я прикажу выкинуть тебя отсюда!

Элла не знала, как доехала до Петербурга, а там до дворца Сергея Александровича. После гибели мужа Элла передала его в собственность Дмитрию. Он с Феликсом вскочили, когда она зашла в комнату.

– Сестра выгнала меня как собаку! – воскликнула она и разрыдалась в объятиях Дмитрия.

– Все средства исчерпаны, – сказал Феликс наконец. Он смотрел на Елизавету Федоровну с ужасом: он никогда не видел ее плачущей. – Не беспокоитесь, тетя Элла. Распутина скоро перестанет нам досаждать.

10 глава. Накануне

Элла решила не возвращаться сразу из Петербурга в Москву. Начало декабря '16 года она встретила в городе Сарове нижегородский области. Тишина и медлительность маленького города были приятны ей после сует Москвы и интриг Петербурга. Она находила успокоение, посещая службы, разбирая жалобы церковных сановников и беседуя с монахами.

Спустя десять дней размеренной жизни она проснулась с мыслью, что "завтра". Было 15 декабря.

Днем Элла все отдалась молитве, а после вечерней службы заперлась у себя. Вся улица была заметена сугробами. В небе мимо полной луны носились маленькие серые тучи.

Последнее время Элла часто вспоминала свой разговор десятилетней давности с террористом, который бросил бомбу в карету ее мужа. Собрав то, что осталось от Сергея, и похоронив его, Элла настояла на свидании с человеком, который это сделал. Она хотела посмотреть ему в глаза. Иван Каляев сначала испугался, когда она сказала ему о том, кем приходилась убитому, но потом с живостью заговорил о страданиях народа, о лопнувшем терпении, о жестокостях царского режима. Он говорил, что не хотел приносить столько страданий жене великого князя, но иначе поступить не

мог. Тогда она пожалела его заблудшее сердце и дала Каляеву икону, которую он принял и поцеловал ей руку. Перед ней он раскаялся, на суде – нет. Через два месяца его казнили.

Прощаясь с Дмитрием, Елизавета испугалась сама и испугала его. В его чертах ей померещилось лицо молодого Каляева, такого же бледного, с такими же впалыми глазами.

В Сарове все ее молитвы были о Дмитриии, о Юсуповых и в особенности о царской семье. Она молилась, чтобы Ники и Аликс одумались и увидели наконец все, как есть, а не та, как им хотелось бы. Пусть они сами прогонят Распутина, чтобы мальчикам не пришлось марать руки кровью и все разрешилось мирно.

Бедные, сколько они должны были пережить прежде, чем решились на такое.

Неделю Элла мучилась от того, что хотела написать Феликсу и не решалась. Спросить о том, как все продвигается и не передумал ли он? Какой ответ разочаровал бы ее сильнее и какой принес бы больше облегчения?

Участие Дмитрия наполняло ее гордостью и беспокойством. Если Ники когда-нибудь заподозрит, это разобьет ему сердце. Он почитал несчастного сироту за второго сына. Сергей тоже любил этого мальчика.

Ах, почему храбрости хватило только тем, кто был им всем так дорог!

Сергей как-то сказал ей, когда она, молоденькой княгиней, только приехала в Россию, что совершение любого по-

литического акта напоминает ему временное помешательство. Как она теперь это почувствовала.

Чёрное, чёрное время, когда Романовы вынуждены уподобиться своим убийцам и пойти на преступление.

Где Столыпин, где Победоносцев, хоть один? Но нет, в момент величайшей нужды, это они – одни!

“И всё-таки невозможно сидеть сложа руки, когда никто другой не в силах совершить то, что должно! – убеждала себя Элла. – Мы испробовали все способы, чтобы предотвратить катастрофу, и остался единственный. Мы сделали все, что только могли придумать. Нас нельзя обвинить ни в чем, кроме отсутствия фантазии. Возможно, все обернется совсем не так, как я полагаю. Но если есть шанс да даже если и не было никакого шанса, я не могу остаться в стороне. Как бы я смотрела себе в глаза, если бы не сделала ничего? Это не преступление. Он дьявол”.

Остаток ночи Елизавета молилась о Распутине. Чтобы в этот последний день, который был отведен ему Провидением, этот несчастный одумался и вернулся туда, откуда пришел. Чтобы он спасся и спас их от ужасной необходимости.

11 глава. Декабрьское дело

Ровно в двенадцать часов ночи с 16 на 17 декабря заговорщики съехались в Юсуповский дворец на Мойке. Их было пятеро: князь Феликс Юсупов, великий князь Дмитрий Павлович, депутат Пуришкевич, поручик Сухотин и доктор Лазаверт.

Убийство должно было совершиться в подвальном помещении, которому слуги несколько дней впопыхах придавали приличный вид: расставили мебель, развесили картины, разложили перед камином шкуру белого медведя и прочее. Заговорщики остановили свой выбор на столь укромном месте в первую очередь из—за звукоизоляции. Полицейский участок прямо напротив дома Юсуповых никто не отменял.

В смежном коридоре находился черный ход, вплотную к которому должен был подъехать автомобиль с Распутиным. Таким образом никто сквозь решетку не увидит, кто именно заходит в дом Юсупова.

Рядом с черным ходом находилась винтовая лестница на второй этаж, где в уютной гостиной должны были ждать остальные, и, если что, спуститься Феликсу на помощь. На крайний случай у них у всех было по заряженному револьверу.

К приезду заговорщиков лакомства и вина уже были раз-

ложены.

– Перекусим, господа? – предложил Юсупов, как гостеприимный хозяин. – Яда в них пока нет.

Они пригубили коньяку, понадкусывали пирожных, намеренно недоедая и недопивая, чтобы создать видимость совершившейся пирушки.

– Мы как будто в склепе, – заметил Сухотин, оглядываясь. Сводчатый потолок создавал подобное впечатление.

– Скоро так и будет, – улыбнулся Юсупов.

Затем доктор Лазаверт добавил цианистый калий в пирожные с клубничным кремом, не трогая шоколадные. С бокалами решили подождать, чтобы яд не выветрился.

Юсупов с доктором Лазавертом в форме шафера поехали за Распутиным. Спустя двадцать минут после их отъезда, Дмитрий и Пуришкевич вылили яд в два бокала, стоящих отдельно от других.

– А что, если Феликс перепутает пирожные? Или возьмёт не тот бокал? – взволнованно спросил Дмитрий.

– Он умрет как герой, – сказал Пуришкевич. Дмитрий посмотрел на него как на сумасшедшего. – Шучу. Не волнуйтесь, Ваша светлость. У Юсупова железные нервы, как я погляжу.

Втроем они поднялись по винтовой лестнице на второй этаж и, услышав звук подъезжающего мотора, включили пластинку. Заиграл популярный американский марш "Янки-дудль".

– Куды, маленькой? – услышали они внизу голос старца.

Феликс провел Распутина в подвал. Предполагалось, что он скажет Распутину, что к только что вернувшейся в Петроград Ирине приехали гости и сейчас она пытается их потихоньку спровадить.

– А пока угощайтесь, Григорий Ефимович. Особенно с клубничкой необыкновенные, – советовал Феликс, не моргнув и глазом. Он был само очарование, преклонение и дружелюбие.

Яд должен был подействовать мгновенно. Заговорщики прождали целых десять минут, каждая из которых казалась им часом.

– Господа, у нас проблема, – шепнул Феликс, поднявшись.

– Что?

– Он не хочет есть. И пить не хочет! Это животное в открытую отказывается от моего гостеприимства.

– Господи, Феликс, – сказал Дмитрий, – ну так убедите его, попробуйте еще раз и главное: не оставляйте его одного. Вдруг он решит за Вами пойти.

– Как у него настроение? – спросил Пуришкевич.

– Неважное, – промямлил Феликс неуверенно. – Он будто что-то подозревает.

– Ну идите, идите к нему, – заторопился Дмитрий. – Не тратьте время.

Наконец, свесившийся с лестницы Сухотин услышал хлопанье открывающихся пробок.

– Теперь недолго, – сказал поручик.

– Доктор, друг мой, Вы в порядке? – нахмурился Пуришкевич, глядя на доктора Лазаверта.

– Да-да, мне только худо.

– Вы присядьте, скоро все кончится.

Но прошло ещё пятнадцать минут, прежде чем Юсупов поднялся наверх тяжёлым шагом.

– Яд не действует. Я ума не приложу, что происходит. Он выпил две рюмки коньяку и съел пять пирожных и ничего!

Все как один подступили к доктору. Тот затрясся как осиновый лист.

– Простите, я не смог, – сказал он на полуиздыхании, опираясь на стол, стоящий позади и держась за грудь. Он был красный как рак. – Всё-таки клятва... Гиппократ.

– Вы принесли не яд? – в ужасе и ярости спросил Дмитрий.

Он обреченно кивнул.

– Я никогда не думал, что я так мало способен держать себя в руках, – сказал несчастный доктор. – Я так до конца и не знал, решусь или нет. У меня были чрезвычайно напряжены нервы, я не спал несколько дней. Сейчас меня повалит пятилетний ребенок. Мне стыдно, но я совершенно ни на что не гожусь в таких делах.

– Да, доктор, – протянул Дмитрий. – Не ожидал.

– Пуришкевич, кого вы привели? – процедил Феликс.

– Да он под пулями работал! – возмутился Пуришкевич. –

На передовой! У него два Георгия!

– Там другое, – беспомощно улыбнулся доктор. – Простите, это все моя комплекция.

– Надо отпускать его, – вздохнул Дмитрий, имея в виду Распутин. – Выхода нет. Закроем вопрос в другой раз и при лучших обстоятельствах.

– Нет! – чуть не заорал Пуришкевич и притих, только когда Феликс на него шикнул. – Если он уйдет сейчас, он уже никогда не вернётся! И никогда не поверит Юсупову! Давайте я разможжу ему голову кастетом или застрелю.

Феликс и Дмитрий переглянулись.

– Ну, если вы так ставите вопрос... – начал Юсупов. – Сухотин, а вы что думаете? Вы что-то отошли...

Вдруг поручик Сухотин, который действительно отошёл к двери и с напряженным выражением к чему-то прислушивался, резко потянул дверь на себя. За ней стоял Распутин.

Все остолбенели. Доктор упал в обморок. Сухотин отступил на шаг назад.

– Ну, чой, молодцы, покумекаем? – сказал Распутин, посмеиваясь. Его грозный из-под нахмуренных бровей взгляд сурово обвел комнату, но внутрь он не зашел. – А то ой матушке не понравится, чем вы тут промышляете. Особенно дорогой братец.

Вдруг белый, как смерть, Дмитрий схватил со стола револьвер и выстрелил.

Никто этого не ожидал. Еще меньше, чем появления Рас-

путина.

Старец, разинув рот и прижав руку к животу, повалился назад и кубарем скатился по лестнице.

– Он мертв?! – заорал Пуришкевич. Сухотин, стоявший ближе всех к выходу, не ответил. Пуришкевич оттолкнул его и выглянул с лестницы. – Он уходит!

Пуришкевич ринулся вниз.

Старец был уже посреди двора, когда Пуришкевич выстрелил в первый раз. Мимо. Второй раз. Мимо. Распутин, придерживая руками живот и страшно горбясь, приближался к калитке, за ним на снегу оставался кровавый след. "Ну, ну!" – кричал на себя Пуришкевич и прицелился в третий раз. Вдруг рядом с ним оказался поручик Сухотин и выстрелил один, два, три раза. Распутин упал.

Наступившая тишина была оглушительной. Они только сейчас поняли, какой грохот подняли.

– Надо занести его, быстро! – сказал Юсупов, выбежавший из дома в шубе, и вместе с Пуришкевичем подбежал к телу. Вдвоем они занесли тело в дом.

– Он мертв? – спросил Дмитрий, с отвращением глянув на тело. Он стоял у подножия лестницы и держался за поручни обеими руками. Старец застонал. – Нет, это невозможно!

Они закинули Распутина обратно в подвал и столпились в узком коридоре.

– Скоро Распутин умрет, – сказал Пуришкевич, ликуя.

– Только сначала перебудит всю улицу своими стонами, –

огрызнулся Дмитрий.

– Ничего не слышно, – ответил Феликс. – Да и долго он не сможет стонать. Он столько крови потерял, у меня весь двор в крови!

– Надо нанести контрольный выстрел, – заупрямился Дмитрий. – Это будет акт милосердия. И заткнет его, я не могу это больше слушать! Ты! – Он ткнул пальцем в опешившего Феликса. – Ты хозяин, ты нас всех собрал, ты и иди!

Феликс сделал глубокий вздох, зарядил свой кольт и решительно зашел в подвал. Через несколько секунд они услышали истошные вопли изнутри и побежали на помощь.

Лежащий на спине Распутин, харкая кровью, уцепился за руку Юсупова и повторял "Феликс, Феликс, Феликс" хриплым голосом. Юсупов вырвался с хриплым криком и вылетел из комнаты. Колт он на выходе всучил Пуришкевичу.

– Можно? – спросил тот жадно и, не дождавись ответа от остальных, подошел к Распутину, приставил кольт ему ко лбу и выстрелил.

Дмитрий и Сухотин вышли. Дмитрий скатился по стенке, а Сухотин сел на ступеньки.

Пуришкевич остался и ходил по подвалу туда-сюда, то присаживаясь, то снова вставая. Он был в состоянии, близком к экстазу.

Наконец, Юсупов вернулся. Он казался чрезвычайно изнуренным.

– Приходил городской, – сообщил он усталым голосом. –

Спрашивал про стрельбу. Я сказал, что гости.

– Что! – громыхнул Пуришкевич из подвала. Он вышел и прикрыл за собой дверь. – Немедленно вернуть его. Он обязан под присягой передать вышестоящему все, что слышал. Этого нельзя допустить или мы погибли.

– Он прав, – согласился Сухотин, и Феликс отправился обратно на улицу звать городского.

Втроем они собрались в кабинете Юсупова. Присесть никому не пришло в голову. Городовой с некоторой опаской смотрел на Пуришкевича, находящегося в нирване, и на Юсупова, находящегося в прострации.

– Это ты приходил из-за выстрелов? – спросил Пуришкевич напрямик.

– Так точно! – Он не знал, как обратиться.

– Скажи мне – царя любишь?

– Так точно, люблю царя и отечество!

– Так вот выстрелы, что ты слышал, это я, депутат Государственной думы Пуришкевич, застрелил злейшего врага царя и отечества, Гришку Распутина! Сумеешь не выдать нас?

От такого Юсупов вышел из прострации, но было поздно.

Городовой осторожно сказал, что не выдаст, но если под присягой спросят, то делать нечего, придется сказать.

– Мы будем очень, очень вам благодарны... – заговорил Юсупов и лихорадочно начал искать деньги по ящикам стола, но городской уже вышел.

Пуришкевич и сам понял, что перебрал, и побежал за ним.

– А кто у тебя, батюшка, начальником? – крикнул он вслед городовому.

– Полковник Григорьев.

– Слава Богу! – выдохнул Пуришкевич. – Я его знаю.

Тело Распутина заговорщики завернули в простыни, как мумию, и погрузили в машину. В гробовом молчании великий князь Дмитрий, депутат Пуришкевич, поручик Сухотин и доктор Лазаверт, которому пригрозили и заплатили, доехали до установленного места. Там они втроём (доктор стоял настороже) вытащили труп из машины и скинули с моста.

– А гири-то! – ударил себя по лбу Пуришкевич. Гири предполагалось привязать к трупу, чтобы он не всплыл. Одну за другой они скинули гири вслед за трупом и поспешно уехали.

На Мойке князь Юсупов созвал слуг, которые всю ночь ни живы ни мертвы слушали звуки, которые раздавалось с барской половины. Благо, Юсуповы платили щедро и никогда не пересчитывали свои бриллианты, и поэтому молчание слуг было им обеспечено заранее. Феликс велел им прибраться в подвале.

Кровавое пятно во дворе, на том месте, где упал Распутин, вьелось настолько сильно, что убрать его не представлялось никакой возможности. Надо было найти этому какое-то объяснение. Юсупова осенило, и он пошел на псарню.

В просторной клетке спала, свернувшись клубочком, его любимая черная в белое пятнышко гончая.

– Барин, да вы что, бес попутал, проспитеесь, – увещевал псарник, чуть не плача. – Или хотя бы давайте я...

– Нет! – взвизгнул Юсупов. – Я сам.

И, прицелившись, выстрелил прямо в сердце собаки. Та дернулась, раздвинув лапы, и замерла.

12 глава. Затворники

На следующий день Феликс на всех парах залетел к Дмитрию во дворец и с ходу огорошил:

– Не стоит волноваться, но императрица все знает.

Феликс действительно выглядел посвежевшим. Он совершенно искренне забыл, как ночью убегал от полумертвого Распутина и дрожал от ужаса. Монументальность совершенного окрыляла его.

– Как?! – спросил чуть не упавший от этой новости Дмитрий. Он, в отличие от приятеля, никогда не чувствовал себя хуже. Он не спал всю ночь и теперь смотрел вокруг сухими красными глазами.

– Распутин передал своему секретарю, что едет ко мне, – признался Феликс. – И дочерям тоже.

На секунду Дмитрий обомлел.

– И ты не подумал об этом? Хорош же у тебя был план, Феликс!

– Никто из вас об этом тоже не подумал, – огрызнулся Юсупов. – Откуда мне было знать, что он перед дочерьми будет хвастать, что к чужой жене едет! И ах да. Я только что из полицейского участка. Городовой нас всё-таки сдал.

– Что слышал выстрелы?

– И что Пуришкевич ему сказал, что убил Распутина. Ах

да, я забыл тебе сказать. Знаю, знаю, я сам удивляюсь с Пуришкевича. Мне удалось убедить их, что стрелял ты и убил дворовую собаку. Это почти правда.

– Ты что же, сдал меня?!

– Дмитрий! – возмутился Феликс. – Сдал! А что мне оставалось? У тебя неприкосновенность, а у меня? Они не имеют права тебя спрашивать, если только сам император не прикажет. Я, как минимум, замедлил следствие, и теперь мы можем подготовить нашу защиту. Ты что? – спросил он, увидев, что Дмитрий покачнулся.

– Ничего. – Дмитрий подумал о том, что должен будет сделать, если его спросит государь. "Сказать правду? Застрелиться? Лучше застрелиться, чем ему в глаза сказать, что я совершил". – Да, ты прав, прости. И?

– Кое-что уже донесли до сведения императрицы. Я звонил ей, – настоящий убийца никогда не был бы так нагл, – но она отказалась меня выслушать.

Дмитрий сам набрал в Царское село. Ему ответили, что свои объяснения по поводу прошлой ночи они с Феликсом Юсуповым могут предоставить в письменной форме.

– Звони Пуришкевичу, – решил Феликс. – Вместе будем работать. Надо, чтобы все были в курсе официальной версии.

Втроем они написали трехстраничную объяснительную, изобилующую потрясающими деталями, которые придавали сочинению убедительность. Юсупов клялся честь рода, что

Распутин звонил, звал его к цыганам, но что Феликс не мог присоединиться, потому что был с гостями в честь новоселья. Именно поэтому наверняка у дочерей Распутина сложилось впечатление, что их отец ехал к Феликсу. Старец сообщил им о своих планах, которые невольно выдал за договоренность.

Договорились, что к вечеру из Петербурга исчезнут поручик Сухотин и доктор Ламберт, на следующее утро Юсупов уедет в Крым, потом на фронт отправится имеющий депутатскую неприкосновенность Пуришкевич, а последним в ставку собирался вернуться Дмитрий.

Они снова дали друг другу слово чести никому и никогда не говорить о событиях на Мойке, и разошлись.

Пуришкевич, спонсированный Юсуповым, направился к своему знакомому полицмейстеру добиваться, чтобы о его неосторожных словах все же забыли и вычеркнули из отчетов.

Феликс навестил председателя Государственной Думы Родзянко и намекнул, что дело прошло успешно. Также он просил Родзянко написать Зинаиде Юсуповой в Крым, так как сам был под следствием и всю его переписку несомненно читали. Вернувшись домой, Феликс обнаружил, что его слуг опросили. Это привело его в возмущение и испугало. Он не ожидал столь решительных и оперативных действий сверху.

Дмитрий, чтобы не показаться затворником, пошел в Михайловский театр. Перед предоставлением он зашёл в ресто-

ран, никого не видя и не замечая. Обсуждали нашушевшее исчезновение Распутина.

– Уж сколько раз! – загремел один цветасто разодетый гигант. – Нас уверяли, что он умер, а он воскресал только сильнее. Нет, господа, это провокация, несомненно провокация.

– Не согласен! – подал голос Дмитрий на весь ресторан. Он не знал, что нашло на него. – Мне кажется, что Распутин действительно либо исчез, либо убит.

– Кем? Убит?

Но Дмитрий ушел, не ответив на вопрос из толпы. В театре было только хуже: на балет никто не обращал внимания, от партера до третьего яруса слышался ропот о Распутине, и Дмитрий, чувствовавший на своей ложе сотни биноклей, вынужден был бежать.

Феликс в тот вечер зашёл на светский раут и был свидетелем оживленной дискуссии. Он искренне радовался вместе с остальными исчезновению Распутина. Только томные полуулыбки и остроумные намеки могли его выдать.

Юсупов с новой силой ощущал свое превосходство, в особенности над теми, кто отказался присоединиться к нему. А они были и среди многих присутствующих, которые странно и восхищенно поглядывали в сторону подмигивающего им Юсупова.

Сухотин и Ламберт были никому неизвестны и не нужны и потому уехали без препятствий. Феликса Юсупова, напротив, остановили прямо на вокзале и велели в вежливой фор-

ме не покидать город.

Чтобы избежать допросов, Юсупов перебрался к Дмитрию. Были и другие причины этого переезда. Феликс опасался мести распутинских поклонниц, которые у старца были и среди самых низких слоев общества, так и среди высших. Непонятно, кто был хуже.

Пуришкевич благополучно уехал на фронт. Его решили не трогать, чтобы не нагнетать и без того не сладкие отношения с Думой и не ухудшать скандал.

Феликса и Дмитрия навестила половина высокородного Петербурга, включая членов царской семьи. От них они узнали, что охранка перехватила два компрометирующих письма Елизаветы Федоровны. Одно было отправлено Юсуповым-старшим в Крым, другое – Дмитрию в Петербург. В обоих Элла выказывали свое одобрение и свое знание о готовящемся убийстве.

Елизавета Федоровна и в страшном сне не могла представить, чтобы личные письма великой княгини могли прочесть, поэтому писала она почти в открытую. Элла не очень верила даже тому, что письма лояльных Юсуповых просматривают, и посмеивалась над паранойей Зинаиды, которая и мужа, и сына заставляла использовать придуманный ею шифр.

Зинаида Юсупова и теперь не написала сыну ни строчку, хотя изнывала от беспокойства.

Письма Эллы зацементировали предубеждение Аликс

против Дмитрия и Феликса.

По приказу императрицы Дмитрия посадили под домашний арест.

– Она не имеет на это никакого права, – заявил Дмитрий, который к тому времени немного успокоился. – Арестовать меня может только император. Ну что ж, передайте им обоим, что я подчиняюсь.

Тело Распутина нашли спустя пару дней. Ходатайствовать за арестованных приехал отец Ирины, Сандро, который не пылал по этому поводу энтузиазмом. Для галочки поговорив с императором, он написал Минни, что пришел черед и ей просить сына закрыть дело. Что она и сделала.

– Что говорит государь? – немедленно спросил Дмитрий, когда Сандро заехал к ним.

– Что никому не позволено убивать, – ответил Сандро кисло и без пиетета к чувствам родственника.

У Дмитрия дернулась щека, и он отошёл в угол комнаты.

– Я вами просто поражаюсь, Феликс, – продолжал Сандро, когда они расселись. – Ладно, Дмитрия заманили, ему ничего не сделают, но вы-то! Императрица грозитя Вас повесить!

Феликс смертельно побледнел.

– Они не повесят его, потому что они не повесят меня, – резко ответил Дмитрий. – Такого скандала, как казнь великого князя, они не переживут. А наказать его, не сделав ничего мне, – скандал еще худший.

Спустя долгую паузу разговор возобновился, но уже о вопросах менее животрепещущих.

Возмущение императорской семьи арестом Дмитрия перекрывало их радость от устранения Распутина. В конце концов это начало раздражать даже Феликса.

– Только и разговоров, что о нашем аресте! Как будто только это и важно. А Распутин – так! Будто я дворника своего убил, а не устранил бич, висевший над Россией. – Феликс сделал глоток вина. Дело было во время ужина. Они вдвоем остались за огромным заставленным утварью столом после того, как гости разошлись.

– Какой скандал, какой позор! – измученно сказал Дмитрий. – Еще одно пятно на монархии. Это чудовище не только при жизни, но и в смерти порочит честь государя! А я вместе с ним... Эх, с Распутиным, без Распутина, все одно.

Дмитрий все больше мрачнел с каждым днём. Его бросало то в злобу и раздражение, то в печаль и меланхолию.

Феликс, несмотря ни на что, не сомневался в значимости своей исторической роли. Беспокойство охватило его только тогда, когда Дмитрия вызвали в отделение, чтобы сообщить вердикт. Тут он опять оказался лицом к лицу с уже привычным чувством мучительного ожидания.

Дмитрия отправляли на персидский фронт. Царственные родственники предприняли последнюю попытку повлиять на мнение императора и написали коллективное письмо, где возмущались, как мог он отправить бедного мальчика в та-

кое опасное место, где такие проблемы со снабжением. Их запрос остался без ответа.

Феликса отправляли в ссылку в его имение в Ракитном в Курской губернии. Там его уже ждали родители и Ирина, которые, едва услышали новости, выехали ему навстречу из Крыма.

Других наказаний не последовало.

Общими усилиями дело было решено замять.

13 глава. Расставание

Зинаида Юсупова нашла время заглянуть в Москву в первом месяце нового года. У нее были свои дела, касающиеся перевозки вещей первой необходимости из столиц в Ракитное, где семья предполагала провести некоторое время. Также Зинаида планировала проведать Эллу в ее обители.

Елизавета приняла подругу в большой гостиной на втором этаже своего дома, и первые минуты они просто молча обнимались. Зинаида уже отошла ото всех переживаний и, получив сына обратно в добром здравии, была в высшей степени спокойна и готова ко всему.

– Конечно, идти на это дело самим было чрезвычайным ребячеством. Как будто денег нет! – начала она возмущаться, но глаза ее сверкали гордыней. – Я ему все высказала по этому поводу. Феликс уверяет, что в Петербурге было не найти ни одного надежного человека. Ха! В это я могу поверить, особенно когда читаюсь новостей из столицы. Я знала, *что-то* планируется, но я и представить не могла, каким образом. Но это колоссально! А ты, дорогая, видно, была в курсе?

Последнюю фразу она сказала ледяным тоном, и Элла поспешила опровергнуть:

– Не больше твоего. Они сказали, что планируют что-то,

но детали мне были неизвестны. Я говорила с Аликс. Пыталась заставить ее увидеть свет. Я не преуспела.

Зинаида никак не прокомментировала такую глупость.

– Что было, то было, – сказала Зинаида так хладнокровно, что, если бы Елизавета не помнила ее после гибели старшего сына, то поверила бы этому спокойствию и тому, что Зинаида не затаила на нее обиду. – Главное, что все закончилось. Но письма пиши аккуратнее.

Элла была слишком горда, чтобы ответить.

– И ты считаешь, что в Петербурге...

– Я уже не слежу за тем, что происходит в Петербурге. Нервы берегу, – приврала Зинаида. Она за всем следила. – Ужас, просто ужас. Ладно, что там Дмитрий?

– Слава Богу, климат там хороший и приняли его как героя. Надеюсь, у него будет возможность отличиться на фронте. А там недолго и до полной победы, и до славного мира.

Зинаида сжала губы и обронила:

– Блажен, кто верует.

– Не богохульствуй.

– Извини, но твоих надежд я разделить не могу. Я уже ни на что не надеюсь. Я предчувствую катастрофу и ничего кроме катастрофы.

– Мужайся. Бог проверяет нас. Мы сделали все правильно. Наш долг и дальше не ударить в грязь лицом.

Когда Зинаида уходила, Элла удержала ее за руку и сказала куда более приземленным и усталым тоном:

– Любой бы на его месте поступил так же, как Феликс. А если пока не видно результата, не отчаивайся. Пути Господни неисповедимы.

На этом они и расстались, чтобы никогда больше не увидеться. В феврале случилась революция, и монархия пала за считанные дни. Власть перешла к Временному правительству, в которое вошли депутаты Государственной думы.

Бывшего императора, бывшую императрицу Александру Федоровну и их пятерых детей отправили в ссылку на Урал, где они под охраной и с кучкой слуг, которым было позволено поехать с ними, провели многие месяцы.

Предчувствуя неладное, Юсуповы, которых более ничего не держало в Ракитном, уехали в Крым, где пока все было спокойно. Туда же перебралась Мария Федоровна и родители Ирины.

Феликс предпринял несколько вылазок в Петербург и хитростью вывез двух Рембрандтов и самые ценные украшения. В Москве он встретился с Елизаветой Федоровной и предлагал ей переждать волнения вместе с ними. Она отказалась покидать обитель.

Ещё через полгода пало и Временное правительство. Большевики захватили власть. Они заключили Брестский мир с Германией и вышли из мировой войны только для того, чтобы сразу войти в гражданскую.

Царскую семью расстреляли в подвале Ипатьевского дома вместе со свитой.

Мария Федоровна так до конца и не поверила в гибель сына, запрещала служить по нему панихиду и продолжала ждать, что он когда-то объявится на ее пороге.

Дмитрий всю жизнь потом содрогался от мысли, что жизнью он был обязан своему предательству и последующей за ним ссылке. Очень быстро он стал раскаиваться в той роли, которую сыграл в убийстве Распутина и не называл свои чувства тогда иначе, чем патриотическим угаром. Феликс ни о чем не пожалел никогда, и между ними произошел окончательный разрыв.

Елизавету Федоровну вместе с четверкой молодых великих князей вывезли из Москвы в Алапаевск. Ее келейница Варвара поехала с ней из преданности. Там их продержали какое-то время в простом доме под охраной, а потом, на следующей день после убийства царской семьи, всех шестерых живыми сбросили в шахту рудника.

Юсуповы с Марией Федоровной сумели выехать в Европу и остаток жизни провели в эмиграции.

Эпоха монархии в России закончилась.